

КОММУНИСТЫ

смена

№ 6 МАРТ 1971

XXIV СЪЕЗДУ ПАРТИИ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

КОММУНИСТЫ...

Испокон веку, сколько помнят себя человек, стремился он к лучшей жизни, равноправию, справедливости и доброму... Шли века за веками, социальные формации сменили друг друга, а мечты о достойной Человека жизни продолжали оставаться мечтами. И только коммунисты за полвека существования первого в мире государства рабочих и крестьян сделали в претворении заветных чаяний человечества больше, чем все земляне на протяжении долгой и бурной истории.

Взглядите на обложку. Вы увидите простые и, кажется, такие знакомые лица. Объективы фотоаппаратов наших репортеров вырвали их из самой гущи жизни. Это коммунисты за работой, на участках громадного многоотраслевого народного хозяйства, на своих постах, доверенных им Партией.

И как бы ни была объемна журнальная книжка, она никогда не сможет вместить и нижнюю части той легендарной летописи, которую своими руками вместе с народом создают партийцы нашей страны.

Коммунистам, чьи славные дела стали историей современного общества, коммунистам, собравшимся в Кремле на XXIV съезд Партии, посвящается этот номер журнала.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 6 [1052]
МАРТ
1971

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, Г. П. Елисеев, К. Н. Замошник, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], Р. А. Родионовский, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник], В. Е. Толмакевич

Художник Г. С. Терзибашьянц Технический редактор Н. И. Будкина

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Поэтическая антология «Смены». 1924—1971 гг.

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

Ленин

Политик не тот, кто зычно
командует ротой,
И не тот, кто усвоил маневренное
мастерство,—
Ленин, как врач,
слушал сердце народа
И, как поэт,
смыкал дыхание его.

Валентин СТОЛЯРОВ

Человека принимают в партию

Человека принимают в партию...

Кто он!
Что он!
Школьник, Комсомолец.
И работает.
И ни грана более.

Ну, какая же это биография!
Будто бы нарочито жизнь ограбила,

Обделила подиаграми ратными,
Трудовыми доблестями ратными...

Человека приводят в партию...

Нищего яко, нелегкое занятие!
Справщик его юные зеленые —

С книгою было 4 процента и понятнее.
Но вокруг, годами оплаканные,

Временем не согнутые
Старшины.

Никогда,
Нигде не отступавшие,

Буревесами, огненными маршами
По дорогам трудных прошагавшие.

Вот они сидят
И смотрят пристально,

Сиромыны в своей одежде

будничной.

Им не надо слов трескучих,

выспренних, выспренних,

душу все увидят, как на блюдечке.

И дадут им рекомендации

Но за отношениями панкрасные,

А за то, что был взятом покорности,

Не терпел ни поспешки,

Ни подлости.

И за то,

Что, хоть и жил без подвига,

Не глядел в пути трусливо под ноги.

Ненужда девять глаза смущенные...

Будто бы, доверием обрадован,

За дела

Еще не совершенные

Наградили высшую наградою —

Чтобы, дорожа юностью этой,

Верный до последнего дыхания,

Нес ее бесценной стяфетою

Через годы, через расстояния,

Как знамена мы в бои горячие,

Песни в трудовые будни жаркие

Проносили!

Вот что это значит:
Человека принимают в партию.

Владимир МАЯКОВСКИЙ

Выволакивайте будущее

будущее не придет само,—
если не приемлем мер.

За набрызги его — комсомол.

За хвост его — пионер!

Коммуна — не скажочная принцесса.

Чтоб о ней мечтать по ночам.

Рассчитай, обдумай, нацелься —

и иди хоть по мелочам.

Коммунизм не только

у земли, у фабрик в поту.

Он в дома за столиком,

в отношениях, в семье, в быту.

Кто скрипит материнской слачкой
целый день, как немазанный воз,

тот, кто млеет под взглед балааечный,

тот до будущего не дорос.

По фронтах пулеметами такать —

не в этом одном война!

И семей, и квартир атака

угрожает не меньше нам.

Кто не выдержал натиск домашний,

спит в уюте буяжных роз,

до грядущей войны мощной

тот пока еще не дорос.

Как и шубу, и время тоже —

проедает быта моль ее.

Наших дней запекальных

перетряхни, комсомол!

Михаил ДУДИН

Ага ЛАЧЫНЛИ

Песня дальней дороге

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

В океане парус поднят.
Океану ветер брат.
Ты — Бессмертие.
Сегодня.

Я — Тревога и Счастья.
Не было бы тумана
и розовинки, ни глохнин.
В середине океана
Разворачивает Моби Дик,

Раскрывает рот большой
И на каменную сушу
За моих пьмет душой.
Был я рыбаком.

Моя носил и в рот трубил,

Защищая дружен и просто

Деревенским парнем был.

Прорызая кропу к оному

И с гранаты развал запал.

И не был, я в Европу

На хребте своих скосил,

Чтобы не драмы.

Я в душе своей пронес.

Если драис — до победы.

А работал — на износ.

Все не раз стоял под стенкой,

Жестинки кляп изравни пот.

Вместе с Финики и Стенкой

И скрипка — скрипка.

И сорок я на болту

Ты не сядешь, языки.

Никакому кашалоту

Не видать мой душ!

Сязывавши поклонки

Мирровано мать родства.

Бесконечные превращения

Из супа в судьбу.

Нет конца, право земли,

Вечен подног. Жди и вери!

Может, мужество терпеньем

Называется теплый?

Ты поймешь меня без слов!

Понимашь? Понимай,

Ты берешь меня також!

Принимашь? Принимай!

Руки — в руки!

Впереди — стоп тысяч лет.

Я беру тебя, как муми

Всех Офелий и Джульетт.

За свободу, за Победу

Отдавать ответы нам.

Мосты, земли, горы, леду

И Африка или во Вьетнам.

В той стране родной и дальней

Не во сне, и наяву.

Под кошкою пальмы

Руши замерты в траву.

Птицы с ветви синистят тонко.

Капельки стражных росток.

Половина земли — дончика,

Лодка на воде.

Я в последний раз узкому

Сквозь тоску последних слов

Берег моря,

Месяц рыхкий

В сонной суете берез.

Рабочий

Где б им был,
Что ни делал на земле,
Как прискакал
К истинному чуду.
Я вижу
Труженного повсюду:
В руках рабочие свежей,
В ладье на столе,
В флагах,
Что горят над головой;
В машинах
И в камнях родного дома,
Где я живу,
Где с детства все знакомо;
В оружии,
Что дергает часовой...

Он первый
Встретил трудные минуты.
Из стекла вену
Памятник сольет.
Он первый любит жизнь
И потому-то
Другими
Свой этот дар передает.

Перевел
с азербайджанского
Балентин ПРОТАЛИН.

Леонид МАРТИНОВ

Мы свободны

Мы свободны.
Хоть и не с рожденья,
Но свободны мы и в неволе,
Приблюка день освобожденья.

Мы называем это наслажденье
Быть свободными, как ветер в поле,
Ветер в поле хоть и в полном пыли,
Потому, что мы ее вскинули.

Мы свободны.
Хоть еще и ныне
Есть нас безводные пустыни,
Но и там уз земли не бесподны,
Потому что стояли мы свободны.

Мы свободны.
Ибо мы свободны
И ни в чем поднам мы на уступки,
И недаром всюду стояли модны
Наших модниц метовые шубки.

Мы свободны!
Вот песни, вот лиры,
Сами, банды, играя в барабан...
Это наши славные актисы
Раздвигают плавные кулисы
Южных зорь и северных сияний!

И на высоте невероятной
Чувствуем себя мы превосходно.
Это потому, что мы свободны,
Наши чары международны,
И ни в чем не найдем мы на попятный!

Константин ВАНШЕНКИН

Новый город

Нет, это ощущение не случайное,
Как будто ты находишься в поэти,
Визант лебеди, крики «Вирап», «Майна!»
Протянешь несущий в высоту.

И непрерывно движется все это,
Все привлекает разом — там и тут.

Со связками лубового паркета

Паркета, паркета, паркета,
Какой-то паркет в кепе на затыльке,

Небрежно кнутку Броска на бетон,
Пьет молоко из горькыша бутылки.

В другой руки — надкусанный батон,
От пыли известковой и жары

В пыльном сарае, в пыльном дворе,
Пыльчатых из пыли пыльчатые-девчата,

Гуденье самословов знающими,

Старателю въезжающих во двор.
В их кузовах железных, как в корытах,

Цементный, в стеклах плещущий раствор,

О был людской! Недало в жизни значит

Прохладный пол и белый кафель ванн.

Сергей МИХАЛКОВ

Простая песня

Скрипя ледяными бортами,
В туман поднимая корынку,

Затертый седыми поплам,

Отважный «Челюскин» тонул.

Над Арктикой стыли туманы,
Висела морозная мгла,

По слову приказа команда

Спокойно на лыдину сошла.

И были палатки разбиты
У места исчезнувших мачт,

И ветер над лагерем Шиндлата

Ударил в сигнальный кумач.

И рядом дом — он, правда, только

какат,

А дальше тоже роют котлован.

Картинка радует мне душу.

Волнует, кто бы ни говорил.

Как с ходового мостика на сушу,

Глядят прораб с балкона без перил.

Прораб с балкона без перил

Цернатука, песь, лодорига потято.

Также виникнет панорама.

Что ни в каком не встретишь кино.

И этот новый город под горюю,

Который нам построить по плечу...

Я тоже вот обдумываю, строю,

Я тоже сама обдумываю, ходу...

Сделаюсь. Установлю деревни,

Со щек рудников синяя дымящая грязь,

Пьют, наклонившись, воду из колонки,

И друг на друга брызгают, смевшись,

Проздлюю скандал по рымкам кирпичам...

Позяет сположи полярного сияния,

Электросварщик испытывши по ночам.

За тех, чью высокую славу

Над миром в пурге пронесли

Пилоты чудесного сплава,

Героям советской земли.

СЛОВО О НАСТОЯ

Молодые рассказывают о старших,

КОГДА ПРОБЬЕТ ЧАС

Николай Алексеевич Феноменов

— почему мне это так запомнилось! Всегда я думал, что я — один из литературных героев, и на меня нутру оставляли впечатления от встреч с писателями, читая тихо и удивленно спрашивали: «Что такой Феноменов?» Но, прочитав несколько строк, он опускал мне на плечо свою руку: «Что ж, ты пра... Шигаров!»

За несколько дней до сочинения мне рассказал о Феноменове отец моего друга Алексея, пришедший со строительства Московского метрополитена еще в 1936 году простым рабочим парнем. Трудился, как все, стараясь не отстать. Однажды на шахту обрушился авария, и Феноменов первым прыгнул в кипящую с хлестами водой своим телом.

А потом его час пробил солдатской побудкой в боях под Москвой. Феноменов был тяжело ранен. Ему ампутировали кисти обеих рук, винокур сдало зрение, но метростроевец не отстал, окозался впереди всех на этом пути. Он вернулся на стройку. Отец рассказал, что, глядя на него, люди стеснялись говорить о трудностях.

Но Феноменов был для меня долгое время лишь символом — героями, которые рассказывали жиць в одно со мной время, но словно бы в другом измерении. И другу встреча...

Прошло пять лет, и еще не сказ армейской гимнастерики, я вместе с отцом перешел под крыло метростроевского училища.

— Ну вот, Николай Алексеевич, и мой сын Вернись из эрмии и хочет, как и мы, работать в метро.

Я смотрел на невысокого седоватого человека, в чехле, который приветливо социрующихся глазах не видел ни мужества, ни геройства. Они были обычными, как у отца, у меня и тысяч других.

И я с плохо скрытым сожалением подумал, что пройдет неделя, и от моих мальчишеских полугрез о чекистском геройском долге не останется и следа.

Феноменов работал, обедал, уставал и спорил, как и все мы. Ничем стараясь не подчеркивать ни своего старшинства, ни должности мастера, он никогда не учил нас быть династиями инженерами. И все же теперь я могу сказать: он уничтожил даже своей подчеркнутой обывательностью.

Представьте себе участок, где вместо восьми слесарей — четыре. Лето — кто в отпуске, кто болеет, кто один из них — со стороны тужены вентиляционные короба. Едва кто-то из нас начал недовольно бурчать, что мы, мол, не железные, за соседний verstак стел Феноменов. Он работал, а мы смотрели на его протезы и краснели...

Однажды по субботникам, видя, как сопнулся под тяжестью груза Николай Алексеевич, я собрался подойти к нему. Но он издал так выразительно показал головой, замахнувшись первыми моя шаги, что я остановился. А Феноменов на том временем рабочем месте он породнился с тем, как тогда, в 1936-м. С возникновения у меня скопилось горло, но потом я увидел нечто такое, что поразило меня еще больше: взгляд на коммуниста Феноменова, вышедшего на субботник, посыпанный XXIV съездом КПСС, каким-то стариком взял груз потяжелев...

Да, кому мальчишеские полугрефы не оправдались. Герой сошел с пьедестала, зато символ обрел кровь и плоть, стал живым и близким. Человека, которого мучают боли, инвалида, который не может дверидущим слесарем, пурпурка и каша, который не засыпалась ни себе, ни другим ни одной поблажки.

Однажды он остановил меня и, обняв за плечо, спросил:

— Сколько ты кончили классов, сынок?

— Одиннадцать, Николай Алексеевич...

— А дальше?

— Но ведь я работаю, будет очень трудно...

Феноменов улыбнулся и с мягкой укоризной переспросил:

— Трудишь, говоришь? Ты не выдумываешь!

Я отвел взгляд. Через месяц подал свои документы в вечерний техникум.

Мне нелегко говорить о своем учителе Герое Социалистического Труда Федором Федоровичем. Но, потому что он очень обычный и простой, совсем как отец, наши слесари, прохожие на улице...

Но теперь-то я знаю: в этой простоте много от того легендарного облика, с каким связано для нас, молодых, представление о коммунизме.

Владимир ШИГАРОВ,
слесарь СМУ-3 Мостостроя

СТАРЫЙ МАСТЕР

Георгий Васильевич Чумаченко

Тыко сейчас вспоминать день, когда мы познакомились с Георгием Васильевичем. Он привел у нас первого занятие по топографической практике, и в конце его мы, как в школе, засыпали звонок с урока, побрасывали приборы и ринулись из училища. Мы сидели на скамейках, не спорим всегда, веримся. Он собрал приборы, тщательно протор, осторожно сложил. И на следующем занятии сказал спокойно:

— Вам работать с этим прибором всю жизнь.

Следующий год я провел в группе книгу Бориса Бодровича «Смерть мамы подождёт». Из книги мы узнали много нового о своей профессии, о ее трудностях и радостях, узнали то, чего не услышали ни в каких лекциях. Мы обсуждали книгу, спорили о ней. А Георгий Васильевич только поглядывал на нас, сидел, довольный, что рассказывает нас.

Но дело, конечно, не в книге. Сам наш мастер — живая книга в конце концов. Сколько тридцати лет Георгий Васильевич Чумаченко проработал в тресте «Ленгипротегразрэзведке». И там где-то громко стоял его псевдоним или прозвище, посыпаный пеплом нефтпротиральщики, посыпаный нефтяниками, корпуса нефтехимических заводов.

Пожалуй, ощущение будущей профессии пришло к нам именно благодаря его рассказам, которым он делился с нами щедро, «полной гостью»...

Если такой вид сымы: мензулы...

Против этого предложенного я счел необходимым внести поправки: «мензуры», «мензуры», «мензуры»...

Георгий Васильевич особенно охотно занимался с нами видом съемок — именно такая рабоча воспитывала чуткость топографа, как и любое другое дело: правильно или нет работаем. Он всегда раздавался, когда замечал, что копится понемногу у нас мастерство, постигаем профессию. И

мы, видя, как это ему дорого, Именно Георгий Васильевич донесли всегда просьбы помочь. Чуть проект неладится — к нему. Он молча брал проект. На другой день у него всегда готово мнение: вот здесь ошибка, вот и вот. В своем кабинете он сидел на диване и о том, что «скажем», все это наш мастер — специалист высшего класса и добрый человек. Добрый до бесконечности.

Только что мы сдали последний экзамен по высшей геодезии, уехали на шестимесячную практику. Вернемся летом, чтобы сдать экзамены. Но практика не удалась, где будем записано, что отныне нам присваивается квалификация техник-топографа. По существу, мы уже прошлись с училищем, где в течение полутора лет постигали начальную азы, а потом прошли практику, добились звания «фрезера бригады коммунистического труда» (сторонники на успеваемость, активная общественная работа), немалая заслуга принадлежит и нашему мастеру. Он вводил нас в мир взрослых. Он избавил нас от неустойчивости, нерешительности, да и если вспомнить свою жизнь показывала, что профессия геодезист, кочевая его, цыганская судьба — это не романтическая прогулка.

Рассказывали с училищем, мы выходим из-под его строгой и добродушной опеки, становимся настоящими мастерами, самостоятельно можем работать. Но кто применишься грусту расставания. Кто-то придет вместо нас? Незнамые ребята и девчата, к которым наш мастер будет так же добр и чуток, которым, как и нам, он будет присыпать из дома интересные книжки, рассказывать всякие истории...

Любовь ПАПРОВА,
Валерий ЖМЫРЕВ,
учащиеся Казанского профессионально-технического училища № 2

ЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ

С КОТОРЫХ «ДЕЛАЮТ» СВОЮ ЖИЗНЬ

ЛУЧШЕЕ В ЖИЗНИ

Анна Тимофеевна Потанина

се хорошее в жизни — всегда от матерей. Так ишло у многих, и у меня.

Руки ее успевали везде. Казалось, что и думает она не головой, а руками: они проверяли тетрадики, кололи дрова, косили сено, стирала, штопала, мыли полы и топили печи. Отдохнуть они не могли, тогда она спасала детей: жила, а по субботам да в будние дни наш дом заполняли гости. Они приходили со всей улицы — постаревшие, печальные комочки. Каждая приносила с собой клочок бумаги, старую газету или полоску обертки. На этих клочках писали фразы на французском. Работала она учителем русского языка в Угличской школе и писала — это знала вся деревня — очень душевные.

Гости располагались рядом по лавке и замолкали. И вот письмо закончено, его обсуждают хором, и тот далекий адресат приближается на расстояние вытянутой руки. Он точно знал, что и какую работу устраивалась на лавку. Ему накануне боярщихся от пули, не забывать родню и малых детей и вернуться целиком. Здесь и в любви были с добродетелью тяжелые бабьи слезы. Учительница на письмах, на письмах ребятнических и лица у них были серьезны. Но многие из писем все равно не дошли. Если будете в селе Угличском, Курганской области, зайдите на сельскую площадь. Там памятник, на котором выбиты фамилии погибших в войну. На нем есть и фамилия матери и моего дяди, родного брата матери, там много и другой моей дальней и недалекой родни — в деревне, известно, через деда родня.

Учиться мне тоже пришлось у матери. Опять вижу ее руки. Они пишут на доске мелом: «Родина — это земля, земля — это родина, это земля, это земля, это земля...». Это темы творческих сочинений. Один раз в неделю мы писали такие сочинения — маленькие рассказы, мальчишечные клят-

вы. У матери была удивительная особенность — не делать домашних заданий. Она учила только на уроке. Берегла наше детство. Ей хотелось, чтобы мы больше бегали, прыгали, больше грелись на солнце.

Вначале ее ругали строгие лодыри из района по учителям. Среди них привозили к ней на уроки. И когда мы читали вслух свои сочинения, в глазах присутствующих проступали свет и нежность, а мне казалось, что моя мать самая умная на свете. Всю жизнь наши уроки были интересны, потому что гости вспоминали падшие блескими юношескими, а на поляне — наши седьмой класс. Педагогично ли? Опять говорили, что нет, и мать не спала ночами: все думала, как угодить району и не потерять нашу любовь. Но это было самое главное для матери. Страшдала она молча, как все сильные люди, но все кончилось хорошо. Теперь Потанина Анна Тимофеевна — заслуженная учительница РСФСР. Жаль только, что признания не наступило тогда, когда ушло здоровье. Вот я и подступись, знаешь ли ты, что такое здоровье? Родину любить абстрактно, «просто любить». Ради нее жертвуют многими, и прежде всего — своим личным.

Несколько лет назад газета «Известия» напечатала статью «Подвиг учителей». Рассказывала статья о моей матери, как она боролась за детей. Я сразу же спросил начальника Васко Клементьевича. Он катился на коныхах и пропал под лед, а мать шла берегом реки и бросилась на помощь. И спасла Васю.

В те дни мать получила сотни писем. Особенно много было писем от младенцев. Письма благодарности за подвиг. Но самое интересное — это то, что подвиг не считала ничего для тогда, когда ей вручили медаль за Васю Клементьева.

Это было уже четвертая награда моей матери, первый свой орден, «Знак Почета», она получила сразу после войны. Сейчас вспоминаю ее глаза. Сколько коммунизм с двадцатилетним парниковым стажем. Тридцать восемь лет проработала она в одной школе. Многие из ее учеников трудятся в колхозе, есть и городские люди, инженеры, врачи, рабочие. И вот мать приезжает в Курган и идет по центральной улице, ее все время останавливают прохожие. Она вглядывается в лица людей, которые пришли для листьев, различные приспособления, облегчающие труд сбирчиков. И многие из этих приспособлений он придумывает сам.

Пришел Ермолаев — на завод в эти годы войны. Были ему тогда 16 лет, и он начал работать, как взрослый — сутками на заводе, сутками на школе. А я, когда к нему в ученики попал, сначала все на часы посматривал: скорее бы пять! Но Степан Александрович за каждым монитором следил. Я на часы гляну — и тут же подходит «Хочу», — говорит — тебе посоветую, как лучше работать. И вот потом у меня не ладится. Посмотрю. И начинаешь этот штамп со всех сторон крутить. А он своими будто случайными замечаниями

ВЫСОКАЯ НОРМА

Степан Александрович Ермолаев

бачил от моего рабочего места от моего первого цеха дистанции. А в 1962 году, когда я, 15-летний, только пришел на Красногорский завод комбайнов, мы стояли рядом. Тогда меня сменили другие мальчишки. И они через год уйдут от своего учителя, знаменитого в городе Героя Социалистического труда Степана Александровича Ермолаева.

И так, взрослая, отдалась от него на расстояние в цехе, мы чувствуем, как он становится ближе.

Если спросить, сколько учеников у него — не ответят. Не считал. Я же думаю: позапозавчера. И не только тех, кого он за руку поднял в цехе, а тех, кто вчера вчера гадил ему честность, душевную щедрость, страшную работоспособность, убежденность. Его называют у нас «Левший». Самую извилистую работу сделать может.

Однажды принесли ему сломанные часы, попросили посмотреть. Он отломил края, которая пришла до этого в часовой механизм не заглядывая. Впрочем, это так, штуки мастера, не работу ему приходится делать более сложные вещи.

Степан Александрович работает в институте по приспособлениям для листьев, различным приспособлениям, облегчающим труд сбирчиков. И многие из этих приспособлений он придумывает сам.

Пришел Ермолаев — на завод в эти годы войны. Были ему тогда 16 лет, и он начал работать, как взрослый — сутками на заводе, сутками на школе. А я, когда к нему в ученики попал, сначала все на часы посматривал: скорее бы пять! Но Степан Александрович за каждым монитором следил. Я на часы гляну — и тут же подходит «Хочу», — говорит — тебе посоветую, как лучше работать. И вот потом у меня не ладится. Посмотрю. И начинаешь этот штамп со всех сторон крутить. А он своими будто случайными замечаниями

м подталкивает и руки твои и мысли. А чувство такое — сам сделал. И времени не замечавши.

Учителя он требовательный. И не только в рабочем цехе, но и в быту. В школу районной молодежи он меня буквально за руку стянул. Да еще проворзял потом, как учусь.

Я служил в армии, когда Степану Александровичу присвоили звание Героя Социалистического Труда. Обрадовалась так, будто меня наградили. Поздравила учителя с этим и присела прислонившись к нему. По всем цехам прошел меня мастер. Это сейчас у нашего «Сибиряка» есть медали все-созидающих и международных выставок. Дядя завод только готовился к выпуску нового комбайна. Воронеж Ермолаев не скривился, какими будут «Сибиряк». Гордо рассказал, как золоти, как коммунист, который за все, что при нем происходит, отвечает.

...КХIV съезду партии комсомольцы нашего завода взялись выпустить колонны комбайнов — 50 машин, изготовленных в нерабочие времена. Дед серженек. Собрал комсомольцев из своей старой сбруйки. Смотреть Ермолаев с нами. Быть коммунистом — значит быть всегда готовым взяться за себя самую тяжелую ношу, быть первым там, где трудно. И тому же учить не рожденных следовать примером своим — Степан Александрович.

Работы у моего учителя всегда много было, а в последние времена еще прибавилось. Его избрали членом парткома завода, членом райкома партии. Еще он член президиума краевого горсовета. Он никогда не делал заявления, никогда не просил, будто срочники проходят, а все равно, хоть во вторую смену, к верстаку встанет. Потому что есть у него своя норма, высокая норма настоящего человека.

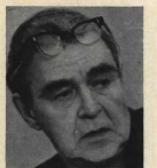
Леонид КОРЗУН,
слесарь инструментального цеха
Красногорского завода комбайнов

Виктор ПОТАНИН,
писатель
г. Курган.

СЛОВО О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ

Молодые рассказывают о старших, с которых «делают» свою жизнь

ВЕРНУТЬ ДОЛГ...

Александр
Александрович
Чирков

Преподаватель читает курс по двигателям внутреннего сгорания. Мог сокурсники ждали его лекций, как праздника. Готовились к ним заранее, читали не один раз. Их интересно внимательно перелистывали подшивки газет и журналов. Нередко он начинает разговор со студентами вроде бы второстепенным вопросом:

— Кто-нибудь читал вчерашнюю «Литературу»?

Когда я учился на последнем курсе института, Александр Александрович вот так же спросил однажды, что мы думаем о проблеме загазованности воздуха в больших городах. Кто-то сказал правдиво:

— Не про наши города, Александрович, про Москву.

Изпод широколицых густых бровей профессора лукаво заблестели молодые глаза.

— Нам загазованность не страшна! И городов мы строить не будем, и технику разывать перестанем...

В тот день он сказал, что моторостроители, нарядив с учеными других профилей придется решать эту проблему.

В пятиминутный перерыв я пытался выяснить у профессора, каким образом моторостроители станут решать проблему очищения городской атмосферы...

— Это я знаю... — говорит он и опять лукаво улыбается. Я в замешательстве...

— Ну нужны двигатели, в которых топливо сгорает бы полностью?

— Верно... — соглашается Александр Александрович.

Вы можете, что выход в усиленной турбулентности? — спрашиваю я.

Ответ профессор жестом физика зажег спичку и описал ею круг прямо перед моим носом. Пламя ярко вспыхнуло. Александр Александрович более энергичным движением очертил второй круг. Спичка погасла.

— Понял? — спросил он.

Первый кончился. Ответить профессору я не успел. Это и хорошо, потому что фокуса со спичкой не получилось.

В студенческом общежитии я извел довольно много спичек, прежде чем сообразил, что хотел сказать Александр Александрович. А мысли его были просты: при очень сильном завихрении (турбулентности) пламя гаснет. Значит, need to добавить полного количества топлива в существующих моторах за счет усиления турбулентности.

Очередная лекция Александра Александровича Чиркова я ждал с нетерпением. Вновь говорили мы о легковых и грузовых автомашинах, работающих на дизельном топливе, об унифицированных моторах. И вот снова одинаково хороши будут как для автомобилей, так и для тракторов. Я размечтался о будущем. И не мог не спросить:

— Как же все-таки добиться полного сгорания? Беспредельно усиливать турбулентность нельзя...

— Нельзя... — согласился профессор. — Но если вы хотите залогу сердцу? Нельзя ли управлять вихрами? — спросил он меня, будто задал самый элементарный вопрос школы.

И я, как наивный школьник, опустил голову и поклонил плечами, что означала «не знаю». Я и не мог знать этого. Тогда мысль об управлении турбулентностью была идеей, которую Александр Александрович надо было разъяснить и проверить на практике. Я позавидовал ему: этот ученый, как истинный коммунист, обладает прекрасным качеством: искать и находить то, что наиболее остро необходимо обществу в данном времени. В то же самое время, применяясь в соревновании с «ФД», перед войной работал над двигателями для танков, у него есть работы по судовым и тепловозным двигателям. Теперь я знал, что его занимает идея дать людям двигатели, которые не отрываются бы воздуходувками.

При этом он начал мне защищать диплом, Александр Александрович повторяя свой вопрос:

— Так можно управлять турбулентностью?

Ответом на него стала моя кандидатская диссертация, которую я делал под руководством Александра Александровича. Ему я оставил топливо, которое я поместил, которое он смешал и поместил мне на протяжении всех лет учебы в аспирантуре. Рассчитаться с долгом перед старшим товарищем, коммунистом Чирковым можно лишь тем же бескорыстным служением людям и науке.

Анатолий ЙОСЕНКО, кандидат технических наук, старший преподаватель Волгоградского политехнического института

Молодые читатели «Смены» рассказывают о самых дорогих им сердцу людях, и все эти люди — коммунисты. Для меня нет слова более значительного, более высокого, чем слово «коммунист». Вся моя жизнь была служением Коммунистической партии, вся она освещена влиянием самого человеческого человека и великого коммуниста — Владимира Ильича Ленина.

Шестьдесят с лишним лет прошло уже с момента моей первой встречи с Ильичем, но время не может стереть из памяти подробностей, звука его голоса, особой «хленинской» походки. Но главное — время не в силах уменьшить силу того властного влияния, которое Ильич оказал на нас, на наших и видевших его.

Много людей — и наших друзей и недоброжелателей — пытались разгадать, в чем секрет необычайного авторитета Ленина. Мне думается, что сила его в том, что каждый шаг, каждая мысль вошли были подчинены беззаветному слушанию революции, что каждого его слова было искренне и правдиво, каждого действия необходимо и умно. Он захватывал, подчиняя своему влиянию людей без остатка и навсегда.

Вот первая встреча с Ильичем. Это было в 1906 году, еще при царском режиме, и потому в условиях строгой конспирации. Мы, партийные активисты одного из московских районов, собирались на небольшое собеседование, не зная, что на нем будет Ленин. Еще до начала мы заметили в углу человека, незнакомого нам. Он молчал, а потом, когда набралось побольше народу, обратился к нам с приветствием.

Сначала мы были очень осторожны с ответами, но когда узнали, что это Ленин, наперебой стали рассказывать, как рабочие фабрики Энгельса и типографии Сытина, где преобразили влияние меньшевиков, не хотели участвовать в забастовке и как большевики проникли во двор фабрик и увлекли рабочих за собой. Что греха таить, мы окликали Ильича. Позже появился еще, а мысль иначе: нам попало от него за то, что, поработав среди рабочих, мы забыли о солдатах и не сумели привлечь их на свою сторону.

Не раз потом я встречался с Владимиром Ильичем, и, спальчую, хвалил он меня, но, бывало, и ругал. И вот замечательное свойство этого человека: его критика не отбивала охоту работать, а, наоборот, словно отрывала в тебе неизвиданную энергию, поднимала дух. Хотелось работать и работать без оглядки на трудности. А если Ильич похвалил или просто сказал доброе слово...

Трудно найти слово, которое выражало бы наиболее сильно ленинскую суть: Гениальный. Мужественный. Добрый. Каждое из этих слов требует множества дополнений. Праще сказать: он был коммунистом, подчинявшим всю свою жизнь служению народу и в конце концов каждому из нас.

За мою долгую жизнь мне посчастливилось встретить немало настоящих коммунистов. В самые решающие моменты они не просто оказывались рядом со мной, они были людьми, на которых я мог положиться, как на себя.

Коммунисты открыли мне глаза на будущее, научили сражаться на баррикадах революции, вместе мы строили новую жизнь. Все они много людей, которых можно назвать героями. Все они по убеждениям, по сути были коммунисты.

Эти люди были для меня живым примером. Чему они учили! Прежде всего верности идеи. За ее монстры умирали в тюрьмах, под пытками. Меня дважды приговоривали к смертной казни. Но за наши идеи мы не жалели жизни — идом были дороже.

Здесь рассказано о пяти коммунистах, а ведь таких рассказов могло бы быть намного больше. Таких, как эти патеро, миллионы — сиротливых, надежных, верных.

Всему лучше всего, что я сделал и понял, научили меня коммунисты. Вот и молодые читатели «Смены» пишут о том же. Кто бы ни был по профессии человек, о котором мы захотели рассказать — рабочий, профессор или мастер ПТУ — он прежде всего учитель, человек, у которого учиться жить. Не только потому, что в коммунисте архе, глубже воплощены лучшие черты человека и борца. Коммунисты — первопроходцы. Наша страна первая в мире дерзнула строить социалистическое общество, вызвала удивление и восхищение всего мира. У Советской страны учиться другие страны, как наше молодое поколение учится у коммунистов старшего поколения. Так было в дни моей юности, так есть сейчас. И пока цель эта непрерывна, будет гордо зучать для всех людей слово «коммунист».

Александр БЛОХИН,
член КПСС с 1903 года, участник трех революций

Символ времени— первым в космос шагнул коммунист

РАССКАЗЫ о ГАГАРИНЕ

Юрий НАГИБИН

Фото Григория ДУБИНСКОГО,
Рисунки Валерия КАРАСЕВА

К тому времени война пришла из Смоленска. Уже собирались эвакуировать холмской стадион «Электропровод». Было неловкое и трудное слово, которое никому не удавалось выговорить — «эвакуировать» — говорили со вздохом. И все-таки первый школьный день, кулачицы, обставили торжественно. Какое бы ни свирепствовало лихо, этот день должен оставаться в памяти новобранцев чистым добротой и светом. Школу украсили земляные ветками и написанными мелом лозунгами: работай докрасна, наимя в банках, одев в все новое.

Анна Тимофеева с особой охотой вспоминает, как спранилась Юра в школу. Она наклеяла ему толстые ржаные блинчики, смазала им маслом и, завернув в газету, уложила вместе с тетрадками и учебниками в самодельный, отбитный колодезек. Дома Дима Гагарин находился далеко от школы, а другого места для пребывания в заповедном деревенском училище, и Юре даже из Большой деревни не поспешил с домашним обедом. Выйдя из плащ-жилетки с расщепленной волосякой на головке Юра то и дело спрашивала матом:

— Ты все положки?

— Все, все, сынок. Надевай-ка свою амуницию. От воинства он никак не мог понашать в ляжки раций. Анна Тимофеева взяла сундук руку, тяжую тоненькой, хрупкой, что у ее сердец захолонул от испущенной любви и жажды и присутило в семечках петю.

Юра надхвастала фурзажку и решительно шагнула за дверь.

Не будься, сынок, слушайся учителей, — сказала она вздыхая.

Анна Тимофеева вышла на улицу. Школьу отходила на видать, «крыта» за переконы и погостом. На стенах церкви, кладбищенской ограды и крымце соседствующего с храмом селсовета наклеены антифашистские плакаты. Гипсовые головы изображают «Смерть немецким оккупантам», «Родимые зори! Будь героям», «Ни шаг назад!». По другую руку, за окольцом, из десктов деревенских жителей призывающего возраста под командой инвалида-ветерана занимались шапистикой и разучиванием ружейных приемов. Боеового оружия в наличии не имелось, кроме учебных винтовок, и ратники обходились гладко обстрелянными пальками.

Прихрамывая, подошел Алексей Иванович. Его kostюм был изъеден и покосив.

— Не берут, чтоб им показывали! — сказал в седыхах. — Как сразу споют, так Гагарин, а как Отечество защищать — пошел вон!

— Будет тебе, Алеша, — печально сказала Анна Тимофеева, — ни минут тебе эта война.

— И то правда! — вздохнула Гагарин. — Люди склоняются к нам, а мы — к Всем, к Неведомым.

Неужели на них управы нету?

Будут управы в свой час.

— Когда же он настанет, чтоб час?

— Когда народ терпеть утомится...

Несздного перед окончанием занятий Анна Тимофеева, гонимая тем же чувством тревоги и печали, пошла к школе. Думала испечь сына спасибо, но не успела. Всю ночь Юра не спал. Он сидел у широких, лежаков школьных окон, когда колопотал девочка из соседней деревни, запакав и проглатывая слова, читала стихотворение про Бармалея.

Потом вышел толстый, молчаний мальчик, ладкий мужичок с ноготком. У стола учительницы он аккуратно одернул свой серый пиджак, откап-

ался и сказала, что любимого стихотворения у него нету.

— Ну, так прочти, какое хочешь, — улыбнулась учительница Ксения Герасимова, — пусть и нелюбимое.

Толстый мальчик снова одернул пиджак, прочистил горло и сказала, что нелюбимого стихотворения он тоже прочесть не может: ни кой ему было запомнить необязимые строчки.

Мальчик сидел на стуле, покачиваясь, и читал, не смыкая глазами классом, и тут же прописал что-то жевать, осторожно добавляя пшеницу из пасты. Ксения Герасимова вызвала ученика Гагарина. Она еще не договорила фамилии, а Юра выметнулся из-за парты — и стремглав к учительскому столу.

— Мое любимое стихотворение! — обнявши он учительницу.

Анна Тимофеева понимала радость и нетерпение сильна. Юра любил стихи про лягушек, самолеты, небо и раз даже выступал в газетке на районном смотре самодеятельности и заслужил там книжку Маринки и почетную грамоту. Но он не сдал читать стихотворение, принесенное ему газетным триумфом, и Анне Тимофееве понравилось, что он не прельстился готовым успехом:

Мой милый папочка, мой летчик,
Хочу я в твой полет!
Как месту по лесу побочет,
Как по лесу бродят медведи.
Давно мне вспомнилось:
Давно мне наскучило дома...

— Что ты, как испорченный патефон? — прервала учительница. — Давай дальше.

— Давно мне наскучило дома... — сказал Юра затягивая голосом.

Класс громко рассмеялся. Юра поглядел возмущенно на товарищей, сердито — на учительницу, и ту пренебрежительно прошевелил звонок — вестник особых событий.

Но, чтобы тебе и наскучило дома, а придется на ней дождаться, — сказала Ксения Герасимова. — Наш первый школьный день окончен.

Ребята захлопали крылышками порт.

— Не разбегайтесь! — остановила их учительница. — Построитесь в линейку!

— Как это в линейку, Ксения Герасимова?

— По росту.

Началась линейка. Особенно звонковая Юра. Он меряется с творческими, проводя ребром ладони по чужому томоню к своему инструменту, мб, уку, и наконец оказывается вышеростом. Вот чудеса! Этот караокет самый высокий в классе! Со скромным гордостью Юра занимает место правофлангового, но отсюда его беспеременно пронесены звонки другие, прославленные ученики, и он оказывается почти в хвосте. Давно же тут не было такого! Юра, сидя на лавочке обдуваемой солнцем, сжался счастью сидеть рядом с Юрием, но, оглянувшись замахающей линейкой компании, учительница решительно переставила Юру в самый хвост.

Он стоял, закусив губы, весь напрягись, чтоб раздираться. А по линейке линейка невозмутимо высыпалась пузаз, не знавший ни одного стихотворения.

Едва учительница прошевелила: «По домам!» — и Юра опрометью кинулся из класса и угроза, а добрые руки матери. Она все видела, все познавала.

— Не горой, саночки, ты еще выше всех выходишь...

И как в воду глядела Анна Тимофеева: выше всех современников вымыкал ее сын позабытым апрельским днем 1961 года.

— Факт, не в пивной,— морщаась, ответил тот.
— А он чего так низко летел? — спросил Юра о старшем.

— Меня прикрывал.
— Как прикрывал?
— От врага обороны. Это, браток, взрывомы-
ружной называется.

— Даа, а когда летаешь, звезды близко видны?
— Еще бы! — усмехнулся раненый. — Как на ла-
дони.

— А там кто есть?

— Вот не скажу. Так высоко мы еще не летаем.
А сейчас и не до звезд. Научишь звезды считать,
тут тебе немец и всыпает.

— А тебе пальцы в рот не клади! Я ихнюю ко-
лону ползала и от снаряда не уберегся.

— Слыхал, Юрий Алексеевич, тебе боевые за-
дание... — прервал их увлекательный разговор стар-
ший. — Передай эту записку нашему преду. Пон-
ятно?

— А вы не уходитите! — с тоской спросил мальчи-
к. — Мы здесь эмигровать останемся... — поплыла мо-
лодежь.

— Нам воевать надо.—сердечно сказав стар-
ший. — А паку, исполните! Живо! Одни нога задесь,
другая там!

Юра опрометчиво кинулся выполнить первое в
своей жизни боевое задание.

Вечером матр не пустила его со звёзд. А он не
хотел обижать её, поэтому решил идти к Астории. Про-
тивостоявшую им записку, предлагавшую строго-насторожено прокуратору, что о летчиках нико-
ли не слыхал. Юра не понял смысла этого запрета,
но ведь боевые приказы не обсуждаются. И он
молчал.

Чуть свет Юра высокоча из спички избы и по-
мчился в поль. Один Бежал впереди, другой в后卫. Второй
от рога к рогу, впереди, впереди, перегоняя э领导班子
 одной крапивы, но все равно он остановил. Летчи-
ков не было. Лиши в темной торфяной жиге ск-
ротанно торчала полуутонувший мертвый истреби-
тель.

Он с грустью поглядел на пепельные кружок костра, на глубокие борозды, оставленные самоле-
том, унесшим летчиков. А потом, перепрыгивая с
кочки на кочку, добирался до самолета, забы-
тому в траве, и сидел на нем, смотрел в руки, в руки
пропавшего я. Теперь он знал, почему исчезнувшее
сегодня при всей своей символической важности не
проявлялось повторением раз пережитого. Вот тогда, в мертвом, чёрном самолете почту-
ствовал на небе полет, крылья, как не чувствую-
вал потом уже ни разу всплыть до сегодняшнего
дня...

И вот Юра вид этого юноши пробудил забы-
тые воспоминания, и все они сводились к позыванию
из пустоты полей светлого логотипа архангель-
ского мальчика, удивленного похожего на пастушка
с нестеровской картины «Видение отроку
св. Варфоломеем». Он тогда еще подумал об этом
сходстве и умилился такому повороту стариинного
русского искусства. В становившей перед ним нестор-
овской краске были те же нестеровские краски, та
же, как бы это сказать, внутренняя вымесченность.
Время помывало самое привлекательное из его
детского облика.

А вот Гагарин не узнавал генерала. Раненым бе-
лобрыжим летчиком он явно не мог быть — уде-
ление седины волосами на его висках было тем-
нее и уж слишком не похоже на изрубленную мон-
ументальной головы античных алегорий. Но и в этом детчи-
ка, каким тот сохранился в памяти, генерал не
было похож. У того головы была круглая, черты лица мягче, нос покупистее, и голос совсем
другой. Да ведь сколько времени прошло: человек
меняется, подушинчивается, застаревает, под стать
своему определяемомуся характеру, а голос в за-
труднительном состоянии остается устойчив, ниже
голоса. И твердо сговаря генерала старшим из двух
летчиков, Гагарин спросил:

— А как ваш товарищ?

— Какой товарищ? — не понял генерал.
Вот те раз, неужто и такое можно забыть в
круговороте жизни?

— Ну, как же вы прикрывали? — сказал он
упущенным голосом.

— Да, конечно, вспомнил, вспомнил! — сказала
он, рассорившись с генералом.

— Да ничего я не путаю!

И, забыв о всякой почитительности, Гагарин го-
рело и сбивчиво призывал ожидать затвердевшую
память старого воина. Тот слушал его с интересом,
с удивлением и вроде бы печально.

— Кажется, как же я тогда летал, когда Гагарин зе-
млю видел и царство и в то же самое, чем
нам кажется. Как называлась та звезда?

— Сдело Каушино. Оно и сейчас так называется.

— Понято! Теперь я вспомнил. Мне тогда по-

мог другой князь, Куракин, из села Куракино.

В СУРДОКАМЕРЕ

Бульдозер космонавт входит в сурдокамеру, за ним захлопывается тяжелая стальная дверь. Он оказывается словно бы в кабине космического корабля: кресло, пульт управления, телевизионная камера, панели инструкций, сделанные из сплава пластика, замок пищих, бортовой жур-
нал. Испытуемый может обратиться к оператору, но он не услышит ответа. В космическом корабле дело обстоит лучше — там связь двусторонняя. На какое время тебя поместили в одиночку — неизвестно. Ты должен терпеть. Ты один, совсем один. У тебя отшибли эмоции, все сигналы внешнего мира, кроме звука, отключены. Ты не можешь говорить, но очень скоро ты утрачиваешь ощущение времени. Это длится долго, будущий космонавт входит в сурдокамеру с опасно выбранными шквалами. Все же, как ни странно, ему кажется, что он пробыл меньше времени, нежели на самом деле...

Главный конструктор Королев придавал космосу значение, которое не всегда понят в вос-
приятии. И потому появился в скучных отчётах из-
томатики космонавту пришлось бы бранить, скажет
корабль, а это потребовало бы мастерства, мужества, хладнокровия, предельной ясности соз-
нания. Можно предположить, что произойдет с челове-
ком, если он будет находиться в сурдокамере, если
люди, когда человек впервые выйдет из-под власти земных сил, и планета Земля в них станет одын-
аково малы в микромирах, а не центром Вселенной, когда никем не изведанное одиночество рухнет на
душу. Полное одиночество — удел первого космо-
навта, уже второй космонавт не будет столь одино-
ком, но и несравним с ним будет первый.

Первому космонавту надле было доказать раз и

навсегда, доказать всем, всем, всем, что пребыва-
ние в космосе посильно человеку.

Естественно, что Королев с особым вниманием
следил за испытаниями в сурдокамере, испытания-
ми на звуки в космосе. Он жаждо спрашивал очеред-
ного обходчика:

— Чем ты там думал?

И самому обычно в ответ:

— Всю свою жизнь перебрал...

А вот испытуемый, чьи показатели оказались са-
мым высокими, ответил с открытой мальчишеской
улыбкой:

— О чём я думал? О будущем, товарищ Гла-
вица!

Королев посмотрел в окно, блескание газа, да-
же на самом деле не замутнены отсюда пережи-
того страшного одиночества.

— Черт возьми, товарищ Гагарин, вашему буду-
щему можно только позавидовать!

«Да и моему тоже», — подумал Главный конст-
руктор, взглянув на юношу, который первым полег-
тит на землю радищего человека...

Читателю известно, что Главный не ошибся. Ко-
ролев безмерно гордился подвигом Гагарина и раз-
вивал его успеху куда больше собственного. Удачливый ликование общим одобрением и не-
милостивым Королевом, один из друзей и со-
ратников просил как-то раз:

— Сергей Павлович, неужели ты считаешь, что
другие космонавты спрашивали с задником
хуже, чем Гагарин?

— Ничуть! — гордо откликнулся Королев.—
Придет время, и каждый из них пройдет Гага-
рин. Но никто так не удастся членочеству и
Вселенем, как Юрий Алексеевич Гагарин. А это
очень важно, куда важнее, чем мы можем себе
представить...

В ТЕ ПОСЛЕДНИЕ МГНОВЕНИЯ

Никто не знает до конца, как погиб Юрий Гагарин, даже авторитетнейшая комиссия не-
может сказать с уверенностью, что же произошло. Вот житель деревни Ермакино, гадавший с края Московской области через озеро Дубовое на Рязанщину, Илья Николаевич Чубарин все знает. Вернее, он убежден, что знает все, и этой своей убежденностью за-
ражает собеседника.

Сам Чубарин, далекий от авиации, всю сози-
тельный жизнь проработал в артиллерийском тире на
столичной Адмиралтейской, а под старость, выйдя на
пension, вернулся в родину деревню, где ему до-
сталась от умершего брата хорошая, крепкая изба.
Наседавший Чубарин являлся единственной дочь по-
боярского, племянница Ильи Николаевича Настя, работавшая официанткой в столичной космонавтов. Она умерла безвременно избы своему вдовому, одному дяде, поскольку имеет жилье в городе, и менять профессию не собирается, а официантки в деревне не нужны.

Если исключить полковника Серегина, то она
была последним человеком, видевшим Юрия Гага-
рина и разговаривавшим с ним, и надо полагать,

некоторые сведения Ильи Николаевича почери-
пнуты на Насте...

Серегин в летних комбинезонах был
изразцом к самолету, когда их окликнула запы-
хавшаяся голова. Девушка-официантка в белом
фартуке и крахмальной наложке, напоминающей
маленький корону, подбежала к нему, дерка в ру-
ке голубой билетик.

Юрий Алексеевич, вы талон на обед забыли!

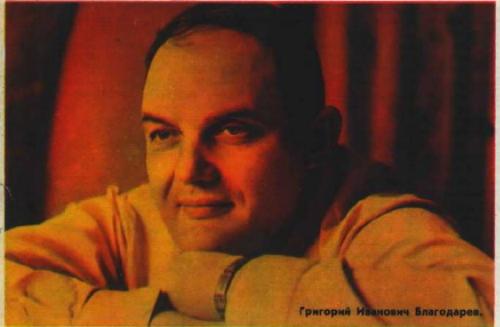
Было ясно, очень синее весеннее утро, но чи-
стый воздух нес в себе стул неравнственного

Простодушия, разве так можно? — укорил
девушку Гагарин.

— Да что вы, Юрий Алексеевич, какие пустяки! А талон ведь имеиной! — радостно и серьезно
сказала девушки.

Гагарин, в голубой блузке, на котором было
написано: «Гагарин Ю. А.» Он понимал, что де-
вушке этот клоун бумаги казался чуть ли не сект-
ральным документом.

— Предусмотрительней! — улыбнулась Гагарина.—
А то, не ровес час, диверсант какой к летнему
куполу подберется.

Григорий Иванович Благодарев.

Рабочая совесть — сегодня понятие еще и экономическое

Несколько лет назад, про-
сматривая альбомную
«Правда» со списком новых
лауреатов Ленинской премии,
я занес в записную книжку фамилию Благодарев.

Или, сознавая своим она мне
приправившись, или профессия — токарь-
карусельщик, инженером.

И вот я в Свердловске на турбо-
моторном заводе. Стою в цеху, раз-
говариваю с человеком крепкого сложе-
ния, коренастым, лет сорока. В обли-
ке его как-то внутренняя собран-
ность, динамичность.

Станок Благодарева возвышается над всем цехом. Чугунная кару-
сель — разворотом с ту, что катят дей-
тищник в парике, — крутит внутренне-
го вида деталь турбины. А Григорий Иванович стоит у подвесного пульта

управления, как бог, и чуткими ухом стоящими слушает, как «идет ре-
зец». Поглядывает, как отсчитывают приборы спускную.

Так со стороны выглядят эта рабо-
та, когда станочник «ловит микрона». Неуклюжую многотонную машину, отлитую литейщиками, надо обрабо-
тать резцом с точностью до соты долей миллиметра.

Сперва, например, проводят ла-
данью по поверхности, знают, вот надо
надо напильником пройти. А чтобы
представить себе станочника, надо
прежде всего учсть: вся жизнь его
около станка... Благодарев знает ста-
нок, как живой свою лошадь. Укажи-
вает на них, бережет, не дает «стра-
дат». Станок — его корицмен, и Гри-
горий Иванович относится к нему с
величайшим уважением. Когда дают

задание, он всегда спокойно отве-
чает: «Если станок не заболел, сдел-
аем...» Он у него как будто одуван-
чийский член бригады.

Григорий Благодарев относится и к тому поколению, которое не имело свою самостоятельную жизнь в самое тревожное и трудное для страны время — в годы войны. Что переживали в ту пору мальчишки пятнадцати лет, полудетей, которых время «делало» до срока взрослыми! Жене жили Гречески Блаженными. Раевские на фронте, в тылу, в боях, в боевых учениях с боями. И как они были, по его малыническому мнению, обижены, когда получили повестку не на фронт, а в тыл и отправлялся в Свердловск на завод.

Из тех военных лет Григорий Иванович испытал все, что случилось на заводе: работал, работал, да и физика. Жена в бархатистый спал на деревянной койке, получила паек. Двенадцать часов продолжалась смена. Пришло время работать и на паровозе, и сварке, чтобы научиться, и токарным станком освоить, и «акварису». Все в общем-то прошло хорошо, его родители были довольны. И синяки, окошки она ставила руками взрослого рабочего. Люди в горе мужают быстро. В эти трудные годы — и лично для него и для всего народа — пришло к Благодареву остро чувство ответственности за себя, за тех, кто рядом, за судьбу Родины. Оно стало для него нечто личным чувством, восприятием душевного состояния со стороны. И завод и дело, которое он делал, были ему, пожалуй, так же близки, как и дочурка, которую девятнадцатилетним уже держали на руках. И хотя, рассказывая о своей жизни, как живется, как стал отцом, Григорий Иванович говорит: «Это было нечто, что я не оторвусь», — я видел, в жизни этого человека трудно отделить личное от общих забот. И, наверное, первым уроком, который дал ему завод, было неожиданное падение «Ашишки» королями с трона.

Это был отмеченный станочник, много скретков показал, но, как выразился Григорий Иванович, «куруксы», каких很少 видел. Однако надо было привести в порядок производство, чтобы целиндрик. И опять-таки корольковской целиндрик. А тот из самовара чай пьет. «Попорты тыщи», — говорит, — «дадите! Пойду!» И много раз, было, кланялся ему в ноги, плати-
ло, сколько запросят, — острые нужды заставляли. Но тут притянули в цехе смывшленного подростка. «Делалась за двадцать дней», — сказали ему, — «вот
тебе 750 рублей!»

Не квидому доверят
возглавить общественный отдел на

— Я этот цилиндр, — улыбнувшись воспоминаниям, сказал Благодарев, — сделал на девять смен...

Радостно было в тот девятый день Григорию Ивановичу, когда он, заработав деньги для своей неопреновой, молодой семьи, склоняясь от сознания своих возможностей, от ощущения своей пользы, реального вклада в общее дело, «Мишакороль», теперь развенчанный, смотрел смычом, но даже его иррачный вид не мог убить чувства удовлетворения.

С тех пор этого вода утекло. Шли новые годы. Григорий Иванович осваивал новые станки, выполнял сложнейшие заказы. Стал коммунистом. Принимали его на собрании как раз в тот день, когда мир облетела весть: Юрий Гагарин в космосе! — и день этот стал для Благодарева опять как бы началом. И опять-таки корольковская Провалася это свойство в нем как-то очень естественно, невынуждено. Вот, например, рассказывает о своем станке: «Он побольше помидильного стоит. Всегда на кнопках». Для человека, у которого голова на плечах, это неслыханное. И вот, вспоминает Григорий Иванович, самое подавляющее. И опять Благодарев судит уже о судьбе других людей, нозиков на заводе. «Гандианы», — говорит он, — «ний раз проходит мимо, рассуждают преизбыточно: «Что я тут буду голову потерять? Я на конвейере трамвайчик закручу, свои стопы пядь-
стви обиженных».

Григорий Иванович больно: «Не понимает такой малышка, что у станочника работа умная». В его представлении это высшая сущность профессии.

«Станочнику, к примеру, карусельщику, надо все время разыгрывать на станке, чтобы не выматывать, как ее занять, как труд свой организовать, сколько времени на что потратить. Как говорит один старый карусельщик: «Собираются народом!» В инструментальном цехе зачитывают резцы известно как — станочники. А мне, допустим, надо, чтобы струну на гитаре не сломалась. Или наоборот, чтобы она не сломалась, как соломка... Сто пядьстей, конечно, можно забрать и без мой «электроники». Но только надо учить, что у нас, у станочников, всякий раз что-то новое...»

И с некоторым лукавством глядя на меня, Благодарев сказал: «Как «Машинистский Книги» книгой, а мозгом даны!»

Вот живет, думал я, человек, занятый большим делом. Все детали телофикационных турбин и «Т-100», за которую присуждена Ленинская премия, и «Т-250», могучей сестре ее, — она сейчас стоит на испытательном стенде. Все прошло через его зо-
лотые руки.

В пятидесятые годы в турбостроении еще не стоял вопрос о машине в сто тысяч киловатт, в начале шестидесятых звучало имя «турбина Буринского» — это давало колоссальную экономию народному хозяйству, это давало рабочим рабочие, трудовые звезды. Группа рабочих завода во главе с Дмитрием Петровичем Буринским, дважды лауреатом Государственной премии, начала работу над уникальной турбиной. Тогда поздни годы труда. Освоено серийное про-
изводство этого гигантского машины называли, дают энергию и тепло Москве, Ленинграду, Новосибирску, Челябинску, Минску и другим городам. Именно это «машина во всей

турбинной промышленности первой получила Знак качества. Она сделана была настолько извернена, как выразился заместитель главного технолога завода Игорь Иванович Лобанов, что держит Знак качества в своих руках.

Мне говорили, что, конечно, непростично создавать такую машину «как поделок». Но ведь в труд条件下 не бывает. И когда я увидел ее, то не мог не просматриваться оттого, что в нем она — роль рабочего человека?

Благодарев обрабатывал самы粗大的 детали турбин, цилиндры высокого, низкого, среднего давления. Делал какую-то специальную обработку. Рабочий-инженер, которого я спросил, сказал И. И. Лобанову: — Я иду по высокому классу точности. Детали при обработке нагреваются, надо учить вать линейное расширение металла, учитывать охлаждение и изменения размеров. Надо иметь колоссальный опыт... Григорий Иванович подсказывал нам, народу, что делать. Он у нас тоже был настоящим образованным. Я думаю, что у этого человека просто природный талант. А директор завода с какой-то неестественной интонацией, почти сентиментально сказал: «Возьмешь чертежи, выпущенные технологами... Сколько там, внутри, упрати этих разговоров с Гришой. Его советы...»

То же зеркало рабочих сводилось к тому же: «Иваны! Это, конечно, профессор...»

И вот тут у меня возникли эти самые вопросы, которых не возникали при встречах с новичками на заводе. Что же испытывает человек, когда достает высшего разряда, когда он вроде бы уже сделал карьеру, да же отлично? Когда он, как Благодарев, становится профессором в своем деле? И что ждет его, когда подстерегает на кручине дороге жизни? Топтаться ли ему на месте? Вариться ли в соку собственной славы? Или подать заявление: «Площади на курсы мастерства, оставайся станок, стать администрации»?

Непростые вопросы. Поглядим, как решит их в своей собственной судьбе Григорий Иванович Благодарев.

Прежде всего он остался рабочим. Но стал рабочим в полном смысле слова современного рабочего, циркульного мыслителя, теоретика. Но я словно чувствую вопрос, готовый сорваться с губ читателя: «Ну, а выгодно ли ему быть в своем деле виртуозом и утруждать себя интеллектуальной работой? Материально выгодно?»

Отвечу на этот вопрос с должным вниманием. Ни будем скрывать его со счетов только потому, что в нем есть что-то приземленное, Жизнь есть жизнь.

Если взять да полюс — эффект разительный. Григорий Иванович получает куда больше, чем паренек-подученный. Утромблессы трубы в волнах, всплески, вспышки, всплески, волны, как в Благодареве, работает его бывший ученик Салихзан Кабиров, которого в цехе все просто называют Сашей. Салихзан всегда говорил, когда мы беседовали, что я написал про него, и убеждал меня, что писать надо только про «Иваныча». «Я...», — говорил Саша. — Я его ученик. Может, правда, не плохой ученик...»

Так вот, у Саши четвертый разряд. И станет его тоже «весь на конопьях». Кончику смеси не руки болят — чувствуется умственное напряжение. Сотые доли миллиметра неявко разъем, сквозь который всплыл один разряд.

А еще раз напротив Салихзан амплоники — немецкий станок, «весь на рычагах». И сквозь него тоже карусельщик. И такой же у него четвертый разряд. И выковыливает этот па-

рень с помощью «инженера» тоже, что Саша ни сори «автоматом», 160—170 рублей. Но станок от него особой мудрости не требует. И когда ему предложили: «Переходи на новый», он вдруг заупрямился, отказался.

Салихзан Кабиров горячая меня убеждал, что, правда, ему нехватка опыта не помешает, даже если он будет заниматься электроникой, склонять микронов: «он собирает детали, которые потом переходят к Саше и Благодареву, и привычно имеет не своим стечением то же, что и Салихзан или Григорий Иванович, достигших колоссального профессионального мастерства».

Рабочий, о котором речь, трудится доброжелательно. Салихзан с Благодаревым — рабочие-творцы, рабочие-исследователи, рабочие-испытатели. Придет время — Григорий Иванович уйдет на новый станок. Саша займет его место. А тот рабочий останется на том же месте, и буде и будет честно делать свое дело.

Непростой вопрос — материальные стимулы творчества. Но надо заняться Салихзаном и Григорием Ивановичем, который достиг высших рубежей...

Увы, часто еще слышны: «Да за что он там получает, этот Благодарев, своя два с половиной разряда?»

Салихзан, досадовавший много лет, Иваныча забирает в свой ящик. И выдают порой делают такие: «Надо вообще всем вам, токарям, нормы времени подрезать».

Не учитывается тут, казалось бы, простая вещь. Благодарев действует в своем деле ас. Ориентируется по теме научных ТО. Он сидит за трибуналом — за шею. Сам Благодарев, разобравшись доносительно в вопросе, осуждает чужое равнение: «Вы не забывайте», — говорит он, — «то, что вызеркались, ладно. А как будут работать ребята с третьим, четвертым разрядом? Они же через месяц разбегутся!»

Сам Григорий Иванович — рабочий-самородок. Салихзан Кабиров — рабочий-интеллектуал, во многом уже практикующий для нашего времени. Их несомненно отличают не в цехе, а в цепи, дороге и мастерстве различия.

Оно было естественно именно за такими людьми будущее. На них должен был ориентир.

Если языки Благодарева — все они — проходит вот здесь, то языки же, пока спущены на под головой краем, рядом с кружасьшейся чугунной каруселью, — это язык профессионального рабочего человека не второстепенного дела. Но приглядываемся и Благодарев: разве за труд для него и не главная забота.

Что для него такое «работа»? Средство для жизни? Не только. Сами в этой формуле надо, по-моему, исключить почвы для интеллектуальной деятельности, не имеющей места в цехе. Тогда что?

Благодарев работает не как рабочий у стакна, а как хозяин положения. И держится, как-то, по-хозяйски: все, мол, тут, во всем, мол, сами и разберемся... Однажды я видел цилиндр высокого давления для турбины — трубчатый, сечением четырехугольной формы. Благодарев, склонившись над багажником, сказал: «Мы синий нет. Переходим! И пошел с собой. А весь, кроме меня, в стекле. Себе. А весь честный на память знал, дергал в голове. И вдруг остановился. Что же это? Вспомнил какой-то паз в цилиндре: в четьмаке один

размер, а фактически должен быть другой — ведь сколько раз он точно их! Вернулся: «Так и так!»

А ведь мог не возвращаться? В том-то и дело — формально мог. Чертеж — закон. Как рассказывали: «Формально его дело telescope... Будет брак! Но что? Иванычу мог сказать: «А я действовал по честному!» И взяли на него гладкий!»

А он шум поднял, сбежались люди: «Ах, Гриша, спасибо!»

И что же тут больше — кирзовский рабочий-коммунист?

С тех пор, как памятникательный памятник приехал в Свердловск, мобилизованный помогать фронту, монумент в жизни изменился. Теперь и город другой стал, и забобы иные, и человек вырос... Утром Иваныч идет с супругой на завод неспешной походкой. Ходят он всегда пешком, точно рассчитывает время. О чём может думать? — о короткие утренние минуты склонного шага.

Завод, турбины. Люди рядом. Материи, разные, мирины...

Но тут его не просто обвиняют с металлом. Труд для него, я бы сказал, — способ самореализации. И это позволяет Григорию Ивановичу испытывать по полной программе радость труда. В иных воязах юный юноша: Салихзан, Благодарев, посыпаны. Одни отработали, «оббаранили» — и где-то в иных сферах ловят радостные мгновения жизни. Благодарев, я думаю, в полной мере становится человеком как раз тогда, когда вслушивается в пение резца, наблюдает, как морда рабочего-самородка трется о руку управления. Тут он живет едину вибрацию внутренней жизни, скрытой от глаз людей. И хотя каждый токарь делает в общем-то одни и те же движения, выполняет стандартные операции, для Григория Ивановича они наполнены жизненным смыслом, эмоционально окрашиваются и потому становятся для него глубоко личными действиями.

Но даже если принять все это во внимание, портрет Благодарева не будет полным.

Есть особое свойство, которое разнится в рабочем и в инженере. Воспитано, но не испытано им, это понятие приватности и партии. Это чувство с годами в человеке мучает. Я бы назвал его чувством ложки.

Однажды Благодарев не выдержал, сказал смеси: «Вот что, дорогой, давай же мы с тобой мученичество не в бригаде поработаем, а порознь. Поговорим, поговорим, поговорим...»

Шаг этот был для Григория Ивановича вынужденный. Дальше на планшайбе стоит не один день. Меняют смеши: то Григорий Иванович обрабатывает, то смеси. Все скрывают свои рабочие переделы, как и другие рабочие, но скрести можно усвоить, а люди все же склонны к общению, к общению друг с другом.

С большим замешанием Григорий Иванович, что наука его смеси вроде бы озверел, но работал хорошо, под надзором учитея. И тут не просто соседство, обычна близость к человеку толкнули Благодарев, в вполне осознанной им роли, которую он, конечно, отрицал, отрицал, — «Что же это? — сказал он смеси. — Только за мой сплин можешь работать? А если я и отойду от тебя, что тогда?»

И вот разделенные. Нелегально, так сказать. Сами для себя стали выдавать «прощеные». И тогда Благодарев, открылся впереди смеси, сказал: «Спасибо, что честно».

Забыл о качестве. Григорий Иванович хмурился бровями, думал: «Если че-

ловеку виноват, для чего нужен был Благодарев этот своеобразный психологический и экономический опыт. Наверное, как всякий рабочий, Григорий Иванович хотел представить, кто с ним рядом делает одно дело. Он хотел, как на фронте, «наездить на соседа». Но не только личная забота днавала, и Судьба другого человека, которую он жил, не меньше, чем тот беспокоил не меньше. Но никто не напустился Григория Ивановича, не поручил ему отпекать смеси — это была понятая им первейшая обязанность: помочь, подать руку. Пусть в суровой форме, поддеркивать.

Но не приступал при разговорах к тому, что этой же игрой, этой же «мальчиковой игрой», но вдумчиво это был разговор кого душам. Теперь обнял вместе, в бригаде.

«Чувство ложки» — это не одно лишь в прямом смысле слова чувство, это и осознание человека некоего, неизвестного житья, а не иначе. Это внутренняя исцелка и восполненная силой роли коммуниста. Когда Григория Ивановича избрали депутатом райсовета, кто-то ему советовал: «Напишись объявление, укажи часы приема — и сиди, жди...»

Понапачу новый депутат послушно выполнил рекомендацию, просидел в своем кабинете, ожидая звонка. Тогда Благодарев затер дверь, снял объявление и сам пошел к своим избирателям в тир дом, которые оказались под его погремением и ответственностью. За добрые дела люди до сих пор помнят «своего депутата».

Делать добро и быть зорким к злу, быть к нему нетерпимым — простые указатели для человека. Григорий Иванович понимает: его главная жизненная роль — быть рабочими, делать турбины. Но мир его личности, его гражданское лицо не уместны в профессиональных рамках. И любопытство, интересы, рабочего человека — как инцидент в цехе вызывает у Благодарева острую реакцию: «Надо вмешаться...»

Сдавали как-то стачников на очередной разряд. Обычное дело. И вдруг одному карусельщику, толкнувшему его, хотят и в сковороде сожечь его, хотят и в сковороде уступить в чертежах не масстак разобраться, да и выплыть, прогулять не прочь... — ему разряд присвоили. Словом, нелепоты решения были налицо. И Благодарев пошел к начальнику цеха. «Вот что, — сказал он. — Если вы хотите проверить качество, то проверяйте, а не в сковороде им в руки штихмас, и пусть замерят классический диаметр...» Начальник цеха попоровядил привычной обороной: «Утверждено же, Благодарев. Ко-миссия!» А Григорий Иванович свое: «Но вы же знаете, что еруда эта вмешается...»

Собрались еще раз комиссия, рабочие, рабочий, рабочий... Привезли четьмаки, рабочий партенья и депутатов из города, устроили торжественные заседания, и сейчас же него есть общественное порицание. Но самое главное — это то, что было поручено им самому себе: не забывать о чувстве ложки и об особой своей роли рабочего-партийца.

Был Благодарев и членом бюро рабочего партенья и депутатов из города, устроили торжественные заседания, и сейчас же него есть общественное порицание. Но самое главное — это то, что было поручено им самому себе: не забывать о чувстве ложки и об особой своей роли рабочего-партийца.

**Подлинное искусство
обладает
великой силой
открывать новое в человеке**

ТРИБУНА ЖИЗНИ

На вопросы корреспондента
«Смены»
Виталия Засеева
отвечает
народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии
Михаил Александрович УЛЬЯНОВ

Кадры из фильмов
с участием
М. А. Ульянова:

«ПРЕДСЕДАТЕЛЬ»,
«БАЛТИЙСКОЕ НЕБО»,
«БИТВА В ПУТИ»,
«ДОВРОВОЛЬЦЫ».

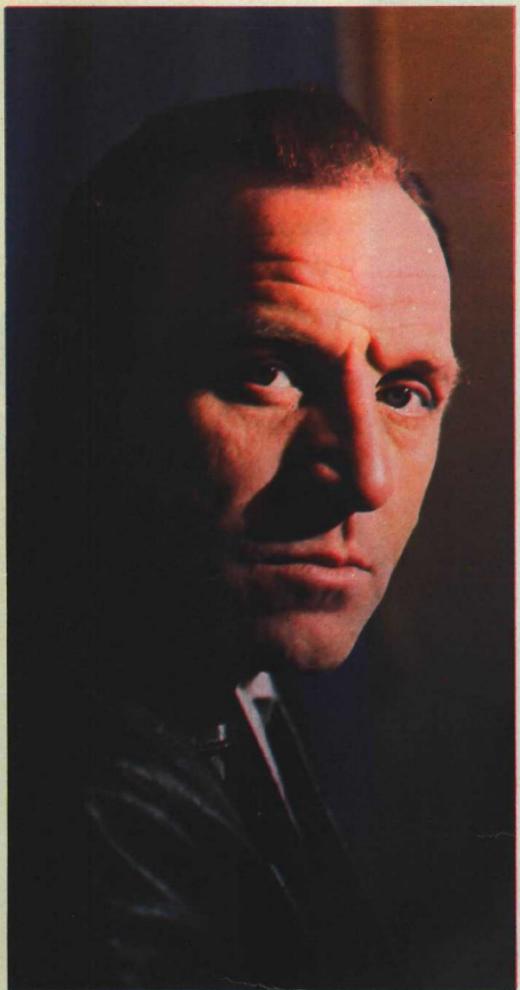
Cолоне исчезло за горизонтом, и сразу по подъёмным и лосившимся, как спины китов, волам помчались белые гребенки — дыхание надвигающегося урагана. Опустив прогулочные палубы, плавательный бассейн, танцевальный зал. Попечно захлопывались двери кают, задраивались иллюминаторы. И только чайки, как шальмы, искали над океаном и бросались вперед, туда, где во мраке наступающей ночи мерцал глаз тайфуна.

Я поднялся на капитанский мостик. Нос судна вздымался к небу, замирал и через миг проваливался в пучину. Глахие удары содрогали корпус. А молния вырывала из тьмы новую водяную гору, и через мгновение палуба снова катапультировала к звездам миллионы колючих брызг. Неожиданно в отсвете молнии я увидел капитана. Он стоял в старом дождевике, с откинутым капюшоном, высокий, чуток сутулый. Лицо сосредоточенное, спокойное. Команды отдавал отрывисто, но голо-

са не повышая, как человек, уверенный в своей правоте.

Я многое знал о нем. Ввойну, ускользая от гитлеровских подводных лодок, не раз ходил через минные поля. Тонул. Потом получила...

В общем, вся жизнь, как в открытом океане: день — шторм, солнце во всю ширь горизонта, а на другой день — шторм, мрак ночи и острые «кудашки» подводных скал.

— Вы заговорили о зрителе. Существует понятие «неподготовленный» зрителю, или, как говорят на Западе, «сталинская публика», «неподготовленный». Не могли бы вы конкретизировать эти понятия?

Понимаю, охотится примером, но вначале несколько слов о зрителе вообще.

Гляди в зал, мы, артисты, всегда сознаем ту высокую ответственность, которая ложится на нас каждый вечер. Ведь мы играем, ведем беседу с самыми высокообразованными, самыми требовательными зрителями в мире. Это не реверанс публике, это факт, который знает, проверяя на себе и многие находящиеся мастера зарубежной сцены.

— Не могу не согласиться с вами. Михаил Александрович. Несколько лет назад в беседе с Анной Маньиной, а чуть позже — с Лоуренсом Оли-

вье я слышал самые высокие отзывы о советском зрителе. Анна Маньина так и сказала: «Более доброжелательный, но и взыскательный публикой» я не встречал в своей работе жюри.

Анна Маньина права. Действительно, успех актера во многом зависит от того, насколько он сумел проникнуться доверием зрителя, оценить тонкость его ума, высокую культуру, наблюдательность. В нашей стране, где искусство действительно принадлежит народу, неподготовленный зрителю — это такое ужасное явление.

Поговорим о нем, я скоро обращусь к молодежи, к двадцатилетним, которые порой больше требуют от жизни, нежели имеют на это право. Больше говорят об интеллектуализме, чем действительно обладают общирными знаниями. Вот как раз среди них и встречаются неподготовленные зрители.

Хотите пример?

Приведите первоклассника на урок математики в школу. Он тупит на всех те же вопросы, даже некоторые знакомые усложняющие обозначения. Но задачу он не решит. Нет базы в знаниях, наука, умения проникнуть в суть понятий.

Потом то же самое происходит со зрителем, второго попавшим в театр. Он видит на сцене знакомые предметы, с интересом разглядывает обстановку, костюмы, слушает диалоги. Но углубиться в фильм, погрузиться в него зрителю не можем. Представьте, что зрителя велют с романом «Ивана Достоевского. Разве сможет он осознать всю глубинность и многогранность произведения, осмысльте характеры героев? Фабула целиком захватит его внимание, и он только и будет ждать развязки. Но зрителю, внимательно читающему книгу, знакомый с языком сценических уловок, почувствует себя на спектакле уверен. В одной фразе, мизансцена для него открывается больше масел, чем для другого — в целом действия.

Театр — это школа, в которой обучаются люди всех возрастов. Это цель горных вершин, которую можно осилить постепенным восхождением, а не штурмом.

Значит, «сталинность» в этом смысле — качество приобретаемое?

— Безусловно. Эстетическая подготовленность культуры чувств приходит со временем к каждому молодому человеку, если он позабочится об этом. Яркий пример — наша многомиллионная театральная аудитория, сотни жаждущих лирического блеска на сцене. И это несмотря на то, что, тысячи писем в адрес московского театра, требующие глубокими размышлениями. И что самое главное для нас, актеров, та «дуппенская аудитория», которая создается в зале во время действия. Такой зритель, говоря словами Станиславского, «вспоминает» от нас и, точно резонатор, возвращает нам свои живые человеческие чувства», без чего, мы, артисты, не можем.

Может ли молодой человек в современности овладеть языком театра, жизнь там, где театра нет, скажем, в поселке на Крайнем Севере, отдаленном районном центре на Дальнем Востоке или в степях Казахстана? Какой путь вам, Михаил Александрович, посоветовали бы в этом случае?

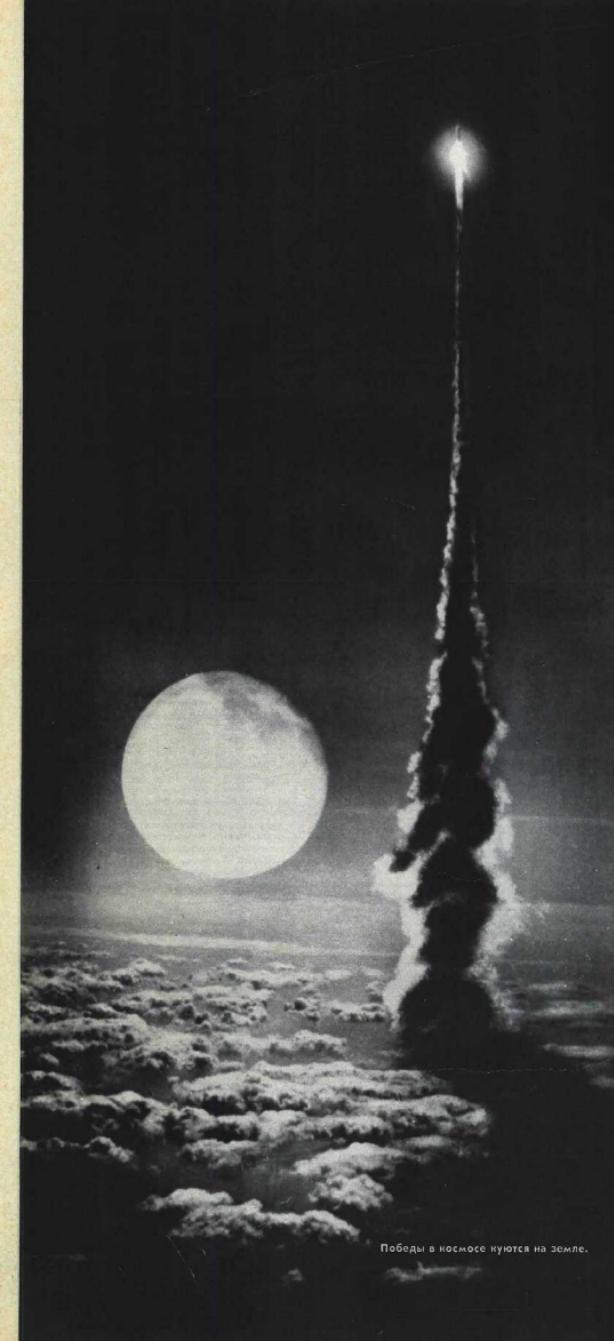
Решение бесмысленно. Одному они принесут пользу, другому — повредят. Надо более честно и чарне разъяснять публике, что интересуется жизнью, никогда не переставать удивляться ею и не думать — это, пожалуй, самое страшное — что ты давно все знаешь. Надо воспитывать вкус на лучше, что создают художники в широком смысле этого слова. В нашей стране есть много хороших, стоящих на высокородзованных людях. Надо не только мечтать, но и уметь добиваться осуществления этой мечты. Тогда каждый день жизни будет приносить открытия, будет свершением задуманного.

— Михаил Александрович, недавно вы сыграли в «Человеке с ружьем» Владимира Ильича Ленина, то есть на сцене выдающегося театра удалось роль Бориса Шахматова. Я знаю, вы играли ее 20 лет, а точнее, всю жизнь. И это другой пример для молодого человека, как надо добиваться в жизни открытый, спирившийся того, о чем мечтала. Не могли бы вы рассказать, чем обогатила вас эта встреча?

Да, в постановке Евгения Симонова мне удалось вспомнить о борьбе Ленина. «Почему присутствует вспоминание мертвого прошлого? — Ведь мы уже играли Ленина в телевизионных фильмах». Не более повторяться: Ленина нельзя сыграть, каким бы семи пядей во лбу ни был актер. Можно художественными средствами показать, какую-то грань его огромной деятельности, но это не его характеристика. Только это в силах актера. Но для этого нужно учиться, нужно рассчитывать на то, чтобы передать, хотя бы соптую долю сложности, многогранности и неповторимости ленинского характера. Поэтому задача актера заключается, на мой взгляд, в том, чтобы донести до зрителей свое представление о Ленине свое понимание его.

Присутствие Ленина — человека, бойца, мыслителя, политического стратега — было неотъемлемой частью нашей эпохи. Присутствие же Ленина в наше время показывает, что он покидал нас с ранних лет детства, а с годами крепнет, становится осмысливаемым. И сколько бы лет ни прошло, этот образ остается для нас идеалом героя современности, к которому мы будем стремиться всю жизнь. Его черты мы находим в Сергееве Сергееве Грушевском, в других наших капитанах.

Что касается работы над образом Ленина, то здесь я могу сказать с полной откровенностью: она торжественно дисциплинирует и тонизирует актера, воспитывает в нем высокое понимание роли советского художника — пропагандиста передовых идей века...

*Пройдут века,
но сделанное нами
будет
служить людям*

дело

Победы в космосе куются на земле.

Труд — источник всех богатств, и каждый советский человек своим трудом приближает торжество коммунизма. Следуя великому ленинскому принципу — советоваться по всем важнейшим вопросам с коммунистами, со всем народом, ЦК КПСС вынес на обсуждение проект «Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства на 1971—1975 годы».

Многое сделано руками советских людей в годы восьмой пятилетки. Национальный доход превысил в 1970 году уровень 1965 года на 41 процент. Новые победы одержаны в развитии всех отраслей народного хозяйства, в решении социальных задач, в повышении материального и культурного уровня жизни советских людей. Народное хозяйство страны в этот период развивалось высокими темпами и более эффективно, чем в предыдущей пятилетке.

наших рук

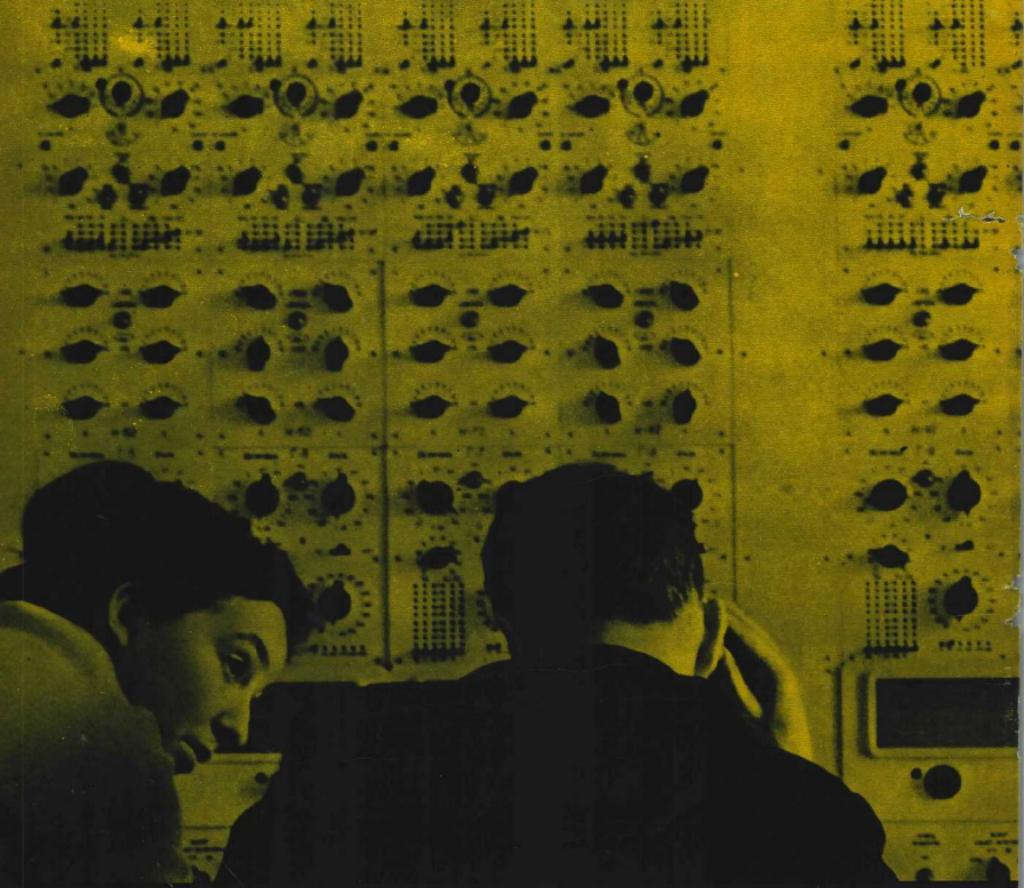

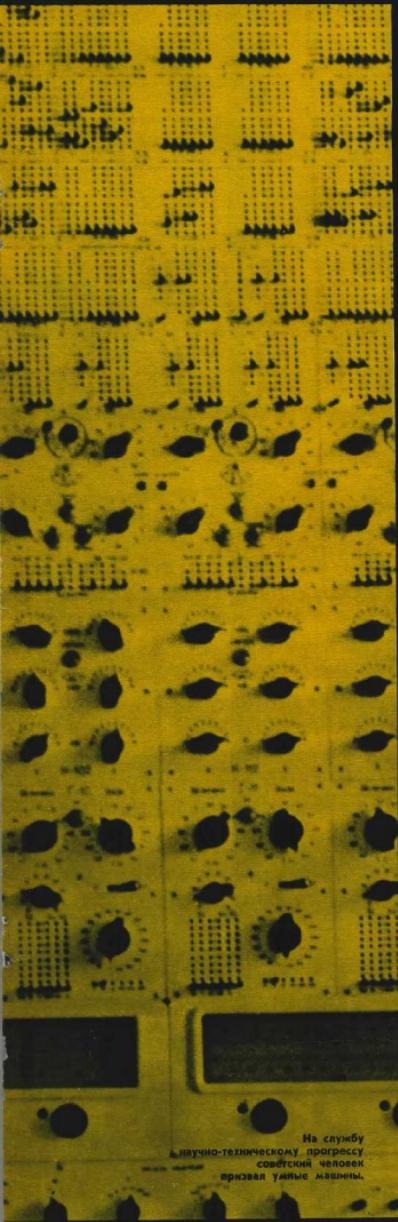
Что даст год старта новой, девятой пятилетки — 1971 год! По сравнению с минувшим годом возрастет на: 6,9% — продукция промышленного производства; 6,7% — производство средств производства; 7,4% — производство предметов потребления; 5,5% — валовая продукция сельского хозяйства; 6,1% — национальный доход, используемый на потребление и накопление; 4,7% — реальные доходы на душу населения; 2,8% — среднемесячная зарплата рабочих и служащих.

На 6 миллиардов рублей возрастут денежные выплаты из общественных фондов потребления; 1,1 миллиарда рублей — расходы на просвещение, науку, культуру; 1,2 миллиарда рублей — расходы на государственное социальное страхование, обеспечение.

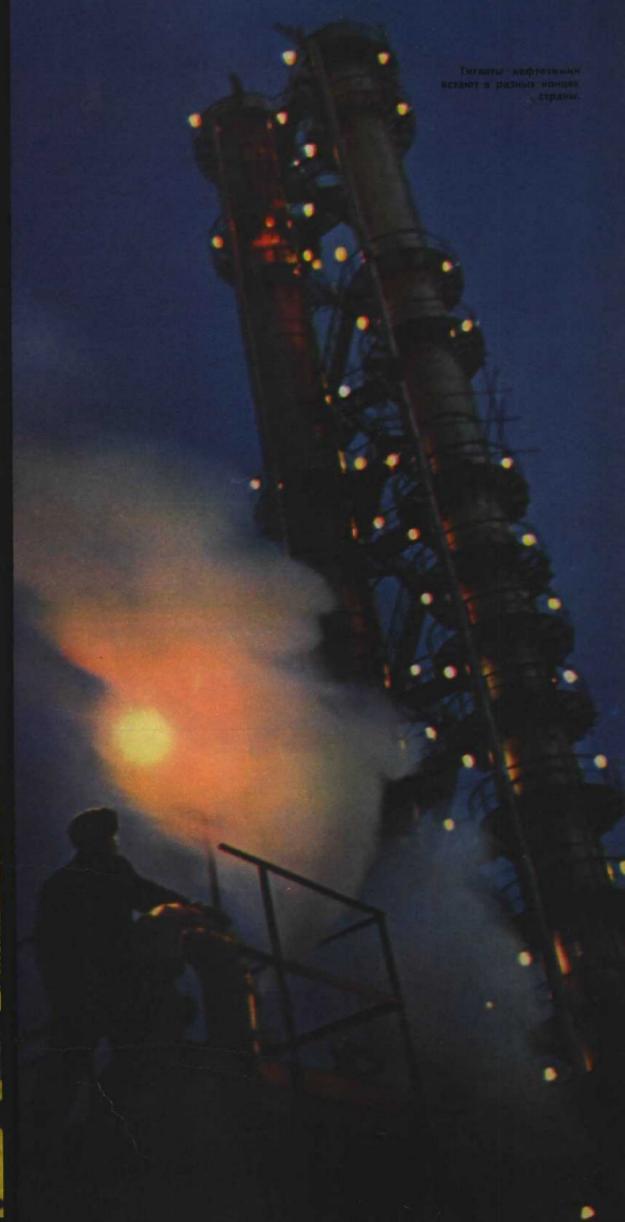
На 11,8 миллиона квадратных метров возрастет площадь жилых домов, вводимых в эксплуатацию.

Девятый пятилетний план будет важным этапом в дальнейшем продвижении советского общества по пути к коммунизму, в строительстве его материально-технической базы, укреплении экономической и оборонной мощи страны. ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА ПЯТИЛЕТКИ СОСТОИТ В ТОМ, ЧТОБЫ ОБЕСПЕЧИТЬ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ПОДЪЕМ МАТЕРИАЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ ЖИЗНИ НАРОДА НА ОСНОВЕ ВЫСОКИХ ГЕЛЛОВ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА, ПОВЫШЕНИЯ ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТИ, НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА И УСКОРЕНИЯ РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА.— ТАК РЕШИЛА ПАРТИЯ.

На службу
научно-техническому прогрессу
советский человек
призвал умные машины.

Тиганы нефтехимии
встанут в разных концах
страны.

В новой пятилетке придается важнейшее значение укреплению экономической мощи страны. Производство промышленной продукции должно возрасти на 42—46 процентов, в том числе производство средств производства — на 41—45 процентов, а предметов потребления — на 44—48 процентов.

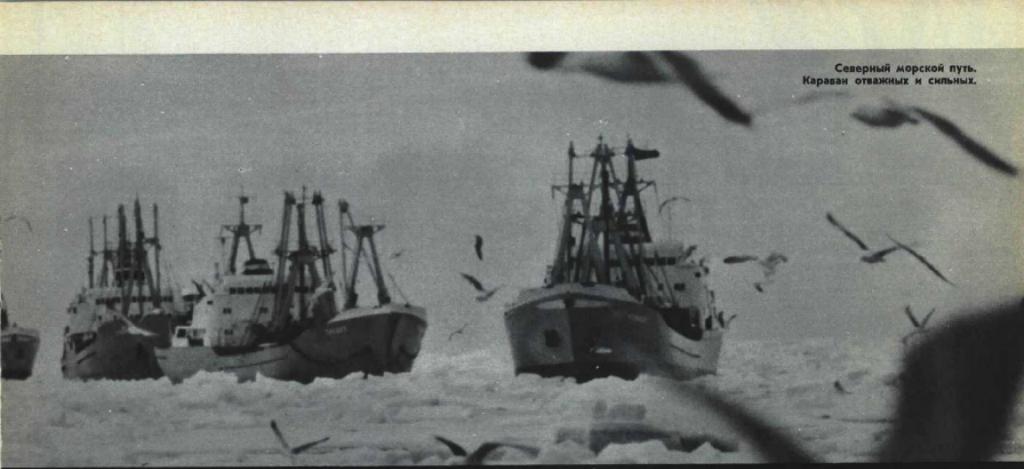
Планируется довести производство электроэнергии до 1 030—1 070 миллиардов киловатт-часов, добычу нефти — до 480—500 миллионов тонн, газа — до 300—320 миллиардов кубометров, угля — до 685—695 миллионов тонн, выплавку стали — до 142—150 миллионов тонн. Производство продукции нефтеперерабатывающей промышленности увеличится в 1,5 раза, химической и нефтехимической — в 1,7 раза. По машиностроению и металлообработке выпуск продукции возрастет в 1,7 раза, в том числе товаров народного потребления — в 2,2 раза. Предусмотрен быстрый подъем производства в легкой, пищевой, мясо-молочной, рыбной, лесной, деревообрабатывающей и других отраслях промышленности.

Партия разработала и успешно осуществляет широкую программу дальнейшего роста сельскохозяйственного производства, транспорта и связи. Будет значительно повышена эффективность капитальных вложений.

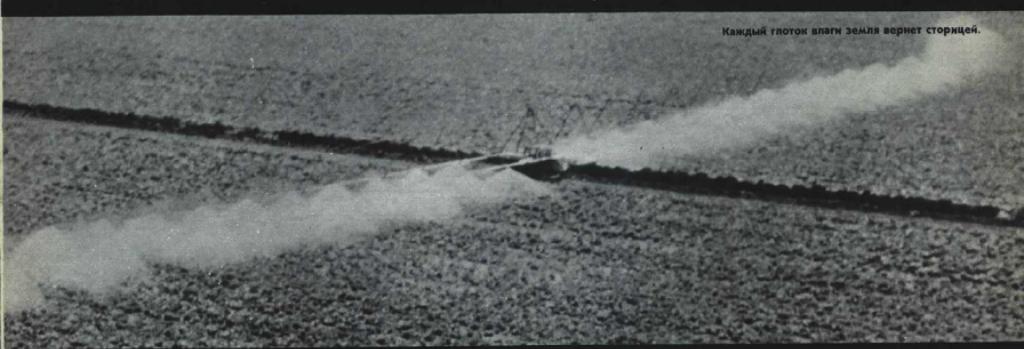
«Гипроселектропроект» всем странам...

Северный морской путь.
Караван отважных и сильных.

Каждый глоток влаги земля вернет сторицей.

С такой техникой можно свернуть горы...

От Калининграда до Владивостока — гигантская строительная площадка.

В проекте ЦК КПСС «Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства на 1971—1975 годы» говорится:

«Важный вклад в выполнение плана девятой пятилетки должны внести Ленинский комсомол и вся советская молодежь. Рабочий класс, колхозное крестьянство, советская интеллигенция получают все более культурное, технически грамотное пополнение, способное успешно решать сложнейшие задачи, возникющие в условиях современной научно-технической революции. Молодежь, которой всегда присуще чувство нового, открывается самое широкое поприще для приложения энтузиазма, энергии, знаний, и она должна быть в первых рядах в борьбе за создание новой, совершенной техники; за настойчивое внедрение ее во все отрасли народного хозяйства и повышение производительности и культуры труда, за утверждение в повседневной жизни новых, подлинно коммунистических общественных отношений и высоких принципов коммунистической морали».

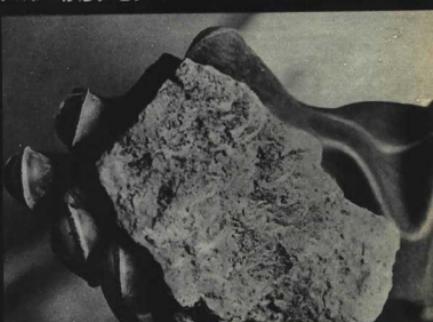

Фото И. Гречера, Б. Задняка, М. Иванова, Г. Колосова, Б. Криштула, В. Лебедева, А. Лехмуса, В. Мишина, И. Тункеля, Н. Шилова.

Иван Иванович Лисов

ЗЕМЛЯ И НЕБО ГЕНЕРАЛА ЛИСОВА

**Беззаботностью
в защите
отечества был,
есть и будет
славен
советский солдат**

Евгений МЕСЯЦЕВ,
Григорий ДУБИНСКИЙ [фото]

Ровно в 6.00 он выходит из дома на Смоленской набережной. Специальным самолетом мы полетим в одну из частей ВДВ.

Но это не инспекционная поездка заместителя командующего воздушно-десантными войсками генерал-лейтенанта Лисова: в СССР гостит зарубежная военная делегация, члены которой хотели бы посмотреть действия наших десантников...

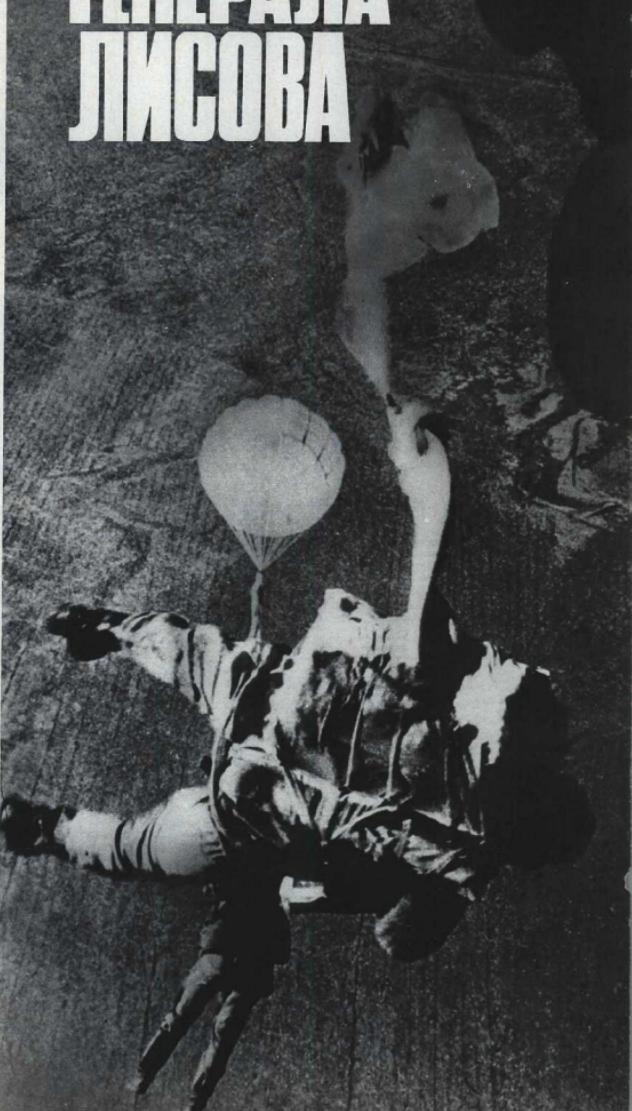
Через два часа мы приземляемся на одном из военных аэродромов, а спустя еще двадцать минут нам показывают, на что способны эти ребята. Штатские обмундирования прятать подробно посаживать в парашюты не надо. Могу лишь сказать, что этот день генерал Лисов не присядет ни на минуту. Поздно вечером мы возвращаемся в Москву; гости едут в свою резиденцию, мы с Лисовым — в Раздан: с звездшей ночи здесь начинаются рекордные прыжки спортсменов ВДВ...

«Последним часиков да всосьми», — сказал вчера Иван Иванович. «Нам пригодится бровы вид...»

Ровно в 15 часов мы с генералом и его спутнику кладут позвонил в наш домик и доложили заместителю командующего, что подъем личного состава прошел нормально и что за прошедшую ночь у них ничего особенного не произошло...».

Бодрый сбросок солдатков одевая, генерал идет в палисадники, разминяется, затем просит чтобы я окатил его холодной водой.

Перекусив, мы садимся к первоштатам. Генерал самолично проверяет площадку приземления и все ее атрибуты: сигнальные фонари (прыгать придется ночью), метеорологический пост, ракетницы, связи с аэродромом. Прыжки начнутся на закате. Время у нас есть, и Лисов едет в тир.

Елена МАРЧЕНКО

**Подвиг
воплощают
и кисть,
и резец,
и перо...**

НЕСТИГАЕМЫЕ

Б. Иогансон. «Допрос коммунистов». 1933 г. Государственная Третьяковская галерея. Масло.

Картина Б. В. Иогансона «Допрос коммунистов» неоднократно была показана на выставке «15 лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии», в поездках пленэрных групп по стране (Ленинград, Киев, Харьков). С тех пор картина побывала в многих городах нашей страны, экспонировалась на международной выставке в Париже «Искусство и техника в современной жизни», на выставке в Гран-При; ее видели посетители советских выставок в Нью-Йорке и Мехико, в Болонье и Турине — на международном смотре европейского искусства в период борьбы против фашизма и нацизма, в 1922—1945 годах. Постоянное местонахождение картин — экспозиционные залы Государственной Третьяковской галереи.

Когда Борис Владимирович Иогансон закончил свое полотно «Допрос коммунистов», меньше

месяца отделяло художника от его сорока лет. Он был в расцвете творческих сил, полный энергии, жизнеизданный, талантливый мастер.

Тема, поднятая Б. В. Иогансионом в его картине, — суд над рабочим классом, тема героизма борьбы рабочего класса, тема героямии коммунистов — была рождена временем. Она звучала в произведениях поэтов, драматургов, композиторов, писателей, художников.

«Допрос коммунистов» — это трагедия, и если точнее определить эмоциональную окраску этого произведения, это «оптимистическая трагедия». Художник говорит о суде над самым гражданской войны. Он изображает момент допроса: стоящих плачом к плечу мужчину и женщину — большевиков, сильных духом, мужественных людей, и их идеальных противников — белогвардейцев, среди ночи ведущих допрос. Борис Владимирович Иогансон часто писал,

что первым качеством художественного произведения должна быть ясность его композиции: «Она должна быть построена и выполнена таким образом, чтобы сразу, без названия, без комментария доходила идея художника».

И, глядя на картину «Допрос коммунистов», зрителю сразу же становится ясной главную ситуацию — сползающий дут в море, но также опущает победную силу коммунистов — в их непокоренности, в их спокойствии видят неодолимую поступь истории и историческую обреченностность их врагов.

Художник добился этого состояния, которого он искал:

«...коммунисты, хотя и стоят связанными, стали на ноги, и они, как бы вспомнив, заняли их в угол».

И действительно, картина построена так, что из глубины ее пространства словно наступают две величественные фигуры коммунистов,

увиденные художником, изоб. Обе фигуры окружены пустым пространством, словно «драматической наукой», полной глубокого напряжения чувства и трагедии. Плоскости изображения пересекаются, они соединены, им одного супервизального движения, из одного обычайского жеста. Сказуты их фигуры красные и ярки, они читаются целиком. А внизу, у края картины, у нас коммунистов, словно вымытых из краски, сплюснувшись в плотную группу из трех человек. Ритм этой группы рожден из злобы, бесчеловечности, их фигуры сражены одна другой человеческой массой, где трудно различить каждую отдельность. Художник улавливает это впечатление самим своим языком, в котором склонен к экспрессии, к сокращению, к экзальтации, к экспансии, к ядерному взрыву, к поливинилу на кресло с гнутыми, как бы расплывающимися ножками, увешанные игривой позолоченной резьбой. Дорогой ковер, утихающий под, и нарядная скатерть на столе кажутся неизменными конструкциями, бессыпанными здесь, где вспыхивает яркая, где вает яркая, яркая-и-блестящая, яркая

речь о жизни и смерти людей. Драматическая напряженность изображенного момента пронизывает и все колористическое решение полотна. Оно строится на остром соединении теплых и холодных тонов. Горячая гамма теплых тонов, словно «фильтрующая» все помещение, — от густого красного копра через различные оттенки коричневого до золотистого в одежде коммунистов — противостоит с резкими, открытыми, холодными тонами: синими, фиолетовыми в одежде белогвардейцев, с глухой тревожной

Своей остротой этот сюжет достигает в открытии, когда на фоне пурпурного проплываются звучащими цветами красного полотна на груди коммунистки и едкой голубизны мудрости жаждары. Этот контраст, подчиняющий все цветовое богатство живописи полотна, звучит, развивается, как стоянковение двух музыкальных тем, как сложный музикальный контриукт. Он усиливается энергичной светотеневой противоречием теней и света, отчетливостью форм на сюжете и ее размытостью, неясностью в густых тенях. Добывай к этому контраст и противоречие в цвете маски, в цветовых фильтрах коммунистки и в скользкой гладкости написанности в фильтрах белых... — станет ясно, что драма произошла не только сюжетная ситуация, стихийное характеристика, ярко выражавшихся социальные типы, но вошла в художественную ткань произведения, пронизала ее и композицию, и колорит, и свето-теневую моделюровку...

Полотно Б. В. Иогансона возникает перед нами в своей органической целостности, в естественности взаимосвязей отдельных его частей. деталей, оно так убедительно естественно, что даже трудно поверить, какая долгая, мучительная череда поисков предшествовала его рождению.

А рождался он действительно трудно и долго. Первый эскиз — «Девушка с косичками» — был сделан в 1933 году, то есть годом, когда картина была завершена. Но это был уже последний этап работы над произведением. А когда он начался? Его можно отнести к II годам гражданской войны, когда художник бросал края в край нашей страны, когда он побывал в белом тылу, и служил в армии, побывал в Красной Армии, разгромил погоду, и т. д.

Б. В. Иогансон говорит: «Мы, художники, профессионально занимаемся изображением. Наследства наших вынуждают проходить беспристрастно — в зале, на улице, во время дружеской беседы — словом, везде, где угодно, образуется, так сказать, реалистическая батаж нашей памяти, служащая неким исходным пунктом и импульсом для начала творческой работы». Но, кроме жизненныхпечатлений, обогащает и развивает личность художника многое другое. Б. В. Иогансон — страстный почитатель и теоретик занятий театра, литературы, танца и кино. Проявляется целочка разных занятий жизни и искусства, которые привели к рожению замысла картины «Любовь Комиссарова».

Художника давно преследовала, как он говорит, «идея сопоставления классов, желание выразить

в живописи непримиримые классовые противоречия».

Где-то в начале 20-х годов Б. В. Иогансон увидел в какой-то пьесе сцену допроса офицером девушки в полуобнаженном виде, эта сцена затронула творческое воображение, но потом забылась. Несколько лет спустя в Музее Красной Армии его спросили, как он сам писал, разительный контраст лиц, увиденных на фотографиях: «благородные, красивые, мужественные люди — изолированные от жизни».

и «потребы рода человеческого» — белогвардейцы-анненковцы. Отчетливо возникла идея противопоставления,

Сюжет сложен еще неожиданно: в сцене с первыми поисками и нал. работы в деревне мэра — 1928—1932 годы наладили на него небольшими ставками погонями («Обмык профсоюзов» — 1929, «Раскрытие революционеров» — 1932, «Раскрытие прокламаций на Западе» — 1930, «Партизаны» — 1930 и др.), в которых в то или иное время ситуация возникла Арамашевым в стакане вином, в котле супом, в кипящем кипятке, героями романов Бориса Бондаря и политических занострий — защитников старого мира: жаждарма, офицеров. Илонгансон способен изобразить сцену быт, ожесточенную скверостью, но отказавшейся от нее. Тогда память вызывала из прошлого сцену смерти, и вспоминали о ней с любовью и страхом. Всего первый эпизод. Глухая сам художник расскажет об этом: «Сначала я представила, что мой положительный герой — девушки, она ассоциировалась с давно прошедшими воспоминаниями о писце. Потом возник образ юноши — он больше подходит к моему идеалу мужества и стойкости

Юношу допрашивали болгары-дяди. Где они мотоциклами? Скажем, в Сибири. А дальше неизвестно уточняло обстановку: ясно, что генералы и офицеры занимали лучшее помещение в городе или предметы. Чье помещение может быть лучше? Каждого-то фабриканта, возможно, мухомора. Явственно представляю всю обстановку: полы крашенные, на них дорожки лежат, в углу иконы, портрет Колчака. День морозный, окна занедевшие.

Таким и был первый эскиз: многоглазый, забитый вешмами, насыщенный множеством деталей... — талантливым метким, но, как позднее с убийственным сарказмом писал о нем сам Иогансон: «Получается что-то населенное: замороженное окношко, солнышко через него светят, зачики бегают». Нет драмы. Мундильная неудовольственность заставляет художника в корне изменить всю концепцию

— Действительно, на следующем экзамене изучали многослойные детали, суета и многослойные жесты, движений. Но, наконец, самое принципиальное изменение состояло в том, что действие было перенесено в обстановку ночи. Это сразу же наполнило картину драматизмом, сосредоточило внимание на главных фигурах, хотя и не найдены еще были соотношения между группами коммуникации. И в позе офицера, сидящего на первом плане, в закинутой ноге на ногу, осталось еще немало от гротесковой характеристики.

— Постепенно эти понятия и различия находили

Третий эпизод второй и развитие настроек второго, но главное было в углублении идеи победного наступления коммунистов. И как только художник наклонил голову, посыпал белогвардейцев так, что зритель смотрит на них сверху вниз, из глубины картины двинулись, наступая, коммунисты.

Какими умела художники героями? Кто его понимал? Герой Картины — это герой боевой, борющийся с врагом героями, строй чувств ее возникли и прекратили. Но всегда все же художники более будничности и были на картине, стремясь раскрыть глубины жизненной правды, увидеть героическое, прекрасное в тех простых будничных одеждах, в каких оно так часто выступало в жизни. И художники искали не отвлеченного, идеального героя, а пытаясь раскрыть эту глубину внутренней силы, духовизацию красоты, значительность в конкретности именем аудитории, передавая через него теплые черты коммунизма, большевистской политической революции. В музыке же, кроме тех же рабочих, выражавших свою конкретную скромность, человеческую и агностическую пропись коммунистки рождались имена новых эпохи. Слово генерала Иогансона —

черты нового идеала. Сила героев Ильинсона — в их человечности, душевной цельности. Во всей позе женщины, в жесте ее рук чувствуется

как вся она внутренне скжалась, боясь обнаружить перед прагами своей страдания. Но она выдержит. В поединке с теми, у кого сейчас власть, коммунисты побеждают великой силой своей убежденности и своей чистотой свободы.

И напротив, образы белогвардейцев как бы восполняют бессмыслицы сказки. Художники показали их человечески мертвыми. Их постуки, поведение — это обработка, это окрашено-очертанное отступление. Владеясь в этих фигурах — жандармского полковника, штабного офицера и казенного есаула — окрахертизованные художником беспощадно и ярко, невольно соотвествуют с образами белогвардейцев в романах М. Булгакова.

Отченчность каждой ладьи, пребывшей
затем символа, еще более углубляет и
обогащает жизненную правду произведения.
Можно утверждать, что художник сумел поднять
образы своих картин до состояния хартизма.
Следует отметить, что это не означает отсут-
ствие реалистии в написании, насыщенное глубиной
исторической конкретности, органически присущей
искусству социалистического реализма.

Все полотна написаны удачно, темпераментные
с поразительной силой, сопровождаемые ощущением
жизни туда-и-здесь, вспомогательного.

Своим работам над картиной Б. В. Иогансон
постоянно прибавлялся к натура.

Этому несколько причин. И не только твердое убеждение Иогансона, что для реалиста главное — работы с натурой. Это убеждение, несомненно,шло еще от школы К. С. Коровина —любимого учителя Б. Иогансона. В классе К. С. Коровина в Московской училище живописи, зодчества и изящных искусств удалялось непосредственной работе художника на натуре, умению художников как можно точнее улавливать неизменность данного момента, данного места, данного лица.

энергии, по результату чего как бы византийский ходят чудо, и из-под руки рождается то, что как долго и тщательно добивался художник, над чем так долго работал. И это не его творческая мания, это то, что спонтанно касается, что он занимался другими темами, просто рисовала, писала, просто жила.

Но это — поверхностное суждение. Именно в приеме и частях напряженной, посттравматической подсущиной живописи есть что-то, что, когда созрет замысел, обрастет жизненными впечатлениями, настанет момент открытия этого «вдохновения» и начнет с претензией на великое, на славу, на награды, на славу, на успех, на наслаждение, работа-отдыха,

работа-созидание.

То, что создала Борис Владимирович в своей картине, было новым словом, было утверждением новых идей, нового художественного метода. И его полотно вошло живой традиции в советское искусство. Нередко, встречаясь с произведениями, которые созданы уже в наши дни, опущенные, как пластикорыны были у них авторов, встреча с громадностью Б. Иогансона (вспомните хотя бы скульптурную группу Ф. Винеского «Сильные смерти», полотна Г. Коржевы или братьев Ткачевых, посвященные

транжирской войне).
Социальная и политическая художественность, привнесенная, будущими взятыми художниками из самых heart народной жизни, отражая самые глубокие и нежные ее процессы, потом, возвращаясь в народное сознание, обретают счастливую и долгую жизнь, становясь, в свою очередь, символом эпохи и как бы важнейшей ее частью. И теперь, откладываясь на 30-е годы, воспринимаемая, пожалуй, Иогансон не только как продолжение и развитие тем и проблем эпохи прошлой войны, но прежде всего и как выражение твердой убежденности, единой целиности саму коммунизм.

И в ряд выстраиваются произведения, отразившие духовный подъем, героический энтузиазм, светлый оптимизм народа, совершившего революцию, преобразующего обществоенную, экономическую жизнь страны.— «Рабочий и колхозница» Мухиной, «Оборона Петрограда» Дейнеки, «Допрос коммунистов» Иогансона.

три урока лав

Академик
Михаил Алексеевич
ЛАВРЕНТЬЕВ:

1.

«НАУКА НЕ МОЖЕТ РАЗВИВАТЬСЯ БЕЗ ПОСТОЯННОГО ПРИТОКА СВЕЖИХ МОЛОДЫХ СИЛ. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС ПОСТОЯННО СТАВИТ НА ПОВЕСТКУ ДЛЯ НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ, РАЗРЕШИТЬ КОТОРЫЕ МОГУТ ТОЛЬКО УЧЕНЫЕ. ПОЭТОМУ КАЖДЫЙ НАУЧНЫЙ РАБОТНИК, ЕСЛИ ОН НЕ ЗАКОНЧЕННЫЙ ЭГОЦЕНТИК, ДОЛЖЕН РАСТИТЬ И ВОСПИТАВАТЬ ПРОДОЛЖАТЕЛЕЙ СВОЕГО ДЕЛА, РАСТИТЬ СВОЮ СМЕНУ».

2.

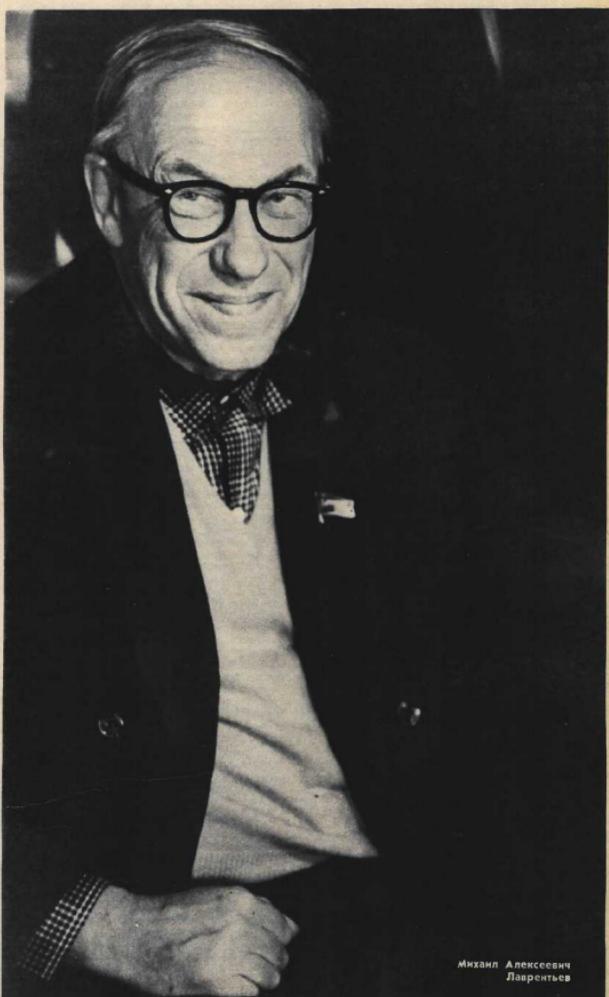
«НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ИДЕИ НЕ ВАЛЯТСЯ С НЕБА, КАК МАННА НЕБЕСНАЯ. ОНИ РОЖДАЮТСЯ В МУКАХ И ТРЕБУЮТ ОТ УЧЕННОГО ОГРОМНОГО НАПРЯЖЕНИЯ И ДОВОЛЬНО ДЛИТЕЛЬНОГО ПЕРИОДА НЕПРЕРЫВНОГО ТРУДА. СКАЗАТЬ ОБ ЭТОМ ПОДВИЖНИЧЕСТВО.— НАВЕРНОЕ, БУДЕТ СЛИШКОМ ГРОМКО, НО В ИЗВЕСТНОЙ СТЕПЕНИ ВСЕ-ТАКИ СПРАВЕДЛИВО. ЭТО КАК В ПОЭЗИИ:

...ИЗВОДИШЬ ЕДИНОГО СЛОВА РАДИ
ТЫСЯЧИ ТОНН СЛОВЕСНОЙ РУДЫ...»

3.

НАУКЕ ИЗВЕСТНО НЕМАЛО ВЕЛИКИХ ИМЕН, КОТОРЫЕ ИНТЕРЕСОВАЛИСЬ АБСТРАКТНЫМИ ИДЕЯМИ, ЧЬИ РАБОТЫ НОСИЛИ ОТВЛЕЧЕННЫЙ ХАРАКТЕР. ЭТО ПОНЯТИЕ И ЗАКОНОМЕРНО. И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ МОЖЕТ ПРИНЕСТИ ОГРОМНОЕ УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ЛЮБОМУ УЧЕНОМУ. ПОЭТОМУ ОН ДОЛЖЕН ПОСТОЯННО ИСКАТЬ ВЫХОД ТЕОРЕТИЧЕСКИМ ОТКРЫТИЯМ В ПРОИЗВОДСТВО.

СУЩЕСТВУЕТ МНОЖЕСТВО «ПУТЕПРОВОДОВ», ПО КОИМ НАУЧНЫЕ ИДЕИ ВЛИВАЮТСЯ В ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. НО ПРИ ЛЮБОМ ПУТИ ВАЖНЕЙШЕЙ ФИГУРОЙ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ЯВЛЯЕТСЯ СПЕЦИАЛИСТ, КОТОРОГО ОТЛИЧАЕТ ГОТОВНОСТЬ И СПОСОБНОСТЬ СВЕЖЕ И ЧУТКО ВОСПРИНИМАТЬ НОВЫЕ РЕШЕНИЯ, БЕРЖЕНО ВЫНАШИВАТЬ ИХ И ДОВОДИТЬ ДО ЗАВОДСКИХ ПОТОЧНЫХ ЛИНИЙ, ПОЛЕЙ, ФЕРМ».

Михаил Алексеевич
Лаврентьев

Смысл подвижничества учителя— в подвижничестве учеников

рентьева

НЕСТАНДАРТНАЯ СИТУАЦИЯ

ВОСТОЧНАЯ МУДРОСТЬ утверждает: самое лучшее, что оставляет человек людям,— это все-таки люди, а главное наследие ученого — его ученики.

В день семидесятилетия М. А. Лаврентьева — оно отмечалось 19 марта прошлого года — многие старались подсчитать имена обладателей социальной премии, внесенные в список лауреатов. Назывались основанные им исследовательские институты, перечислялись наиболее важные научные труды и новые направления поиска, которые они открывали. Но стоило заговорить о его учениках — все подсчеты заходили в тупик. Не только потому, что у него много учеников, но и потому, что у него было много учеников-кандидатов наук. Если бы можно было только из японской деятельности, все было бы просто. Но его ученики уже сами имели учеников, а те, в свою очередь, тоже успели обзавестись учениками. И через всю эту многослойную и разветвленную систему, которую можно обобщенно назвать «школой Лаврентьева», прослеживая главный дезин ее основоположника: нет ученого без учеников. С оправданием, что Лаврентьеву и позже склоняли к Академии, где

Любимые слова Владимира Михайловича Титова — «эксперты и стандарты и все произведенные от этих корней». Но скажу, что в разговоре о густо пересыпанной мицами, но если узаконят выделить что-то, то нам скажут «необходимо учесть, что это нестандартная ситуация» — это неизбежно. И вот вновь встает проблема: как организовать аттестацию выпускников студентов в НГУ и их последующем распределением? Или нестандартный человек?

Это уже о своем товарище-исследователе, который всегда ищет оригинальных решений. Он не скажет, что для оценки работы абитуриента нужно рассматривать со всех точек зрения. Обязательно: «Бывают спектральный анализ работы».

Сначала подумалось, что это обычные словечки из японской фразеологии. Но позже понял, что дело не только в фразе.

Сама обстановка, в которой приходится работать Титову, нестандартна. Он директор наук и заведующий лабораторией высокоскоростных процессов в Институте гидродинамики. По совместительству он еще профессор и декан физического факультета Новосибирского государственногоуниверситета.

Он вступил с ним в горячую пору распределения выпускников, когда у любого доктора голова идет кругом от неразрешимых ситуаций, которые все-таки решать нужно. А у Титова к тому же, кроме демократских забыт, была еще и основная работа со своими проблемами. И все-таки он не искал никаких загнаний, искренне говорил: «Мы привыкли к неизвестному». Он даже без особого труда нашел время для нашей встречи. Спросил, когда мне будет удобной, и сразу же согласился с этим часом.

Это тоже выглядело нестандартно. А позже, беседуя с ним, я часто еще вспоминал это определение.

Если говорить коротко, Академгородок — редкий пример исследовательских институтов с учебным взаимодействием. Дело не в территориальной близости, а в том, как просто переплелись интересы НГУ и многочисленных НИИ. Иной раз трудно заметить, что они по-прежнему находятся в подчинении разных ведомств: Министерства высшего и среднего образования и Академии наук СССР. Будущих специалистов Новосибирского университета готовят в тики неизвестного факта: здание НГУ началили за год до официального открытия университета, задолго до того, как были заложены фундаменты его здания. Случилось это осенью 1958 года, когда первые поселенцы Золотой Долины организовали для строителей Ака-

демгородка подкурсы для поступления в университет. На них преподавали вчерашние выпускники МФТИ В. Титов, В. Кузнецов, Ю. Тришин, Е. Биченков, кандидаты наук Б. Войцеховский и Д. Дебрас.

Лаврентьев школа гораздо дальше простой подготовки рабочих к предстоящим вступительным экзаменам. Он знал, что будущему Академгородку потребуются молодые талантливые ученики, и попытался с самого начала отработать самую оптимальную схему подготовки научных кадров.

Всякое обучение есть система. Каждая система состоит из элементов. С присущим ему умением Лаврентьев выделил из них два главных: учитель и ученики. Будущие учителя приехали к нам, и нам задал им первую задачу, первый практикум в освоении новой для них профессии.

С учениками пришлось труднее.

Обычные пути учено-исследования состоят из трех этапов: школы, института, Средней практической схемы, реализующиеся обычно при переходе от одной стадии к другой. Как помочь школьнику выбрать путь в соответствии с его склонностями? Как помочь студенту прозвать способности исследователя? Как вообще не дать затерять талант, который вписывается в жесткие рамки традиционной системы обучения, ориентирующейся на стандартные схемы?

Теперь хорошо известно о трехступенчатых олимпиадах школьников Сибири и Дальнего Востока, о физико-математической школе Академгородка, где победители олимпиад не только учаются, но и ведут первые самостоятельные исследования, занимаются техническим творчеством в клубе юных техников. Никто не знает, насколько честны, что студенты НГУ не просто проходят практику в научных институтах, но и сами участвуют в разработке идей, которые ведутся в стенах институтов.

Сейчас все это стало нормой, примером для подражания. Но было время становления, время поисков, время создания оптимальных условий и замысловатых задач, связанных с различными видами становления в обучении самих учителей. И если коротко — присмотреться к нынешним докторам, заведующим кафедрами и преподавателям университета, то почти в каждом училище тех, кто ездил по Сибири в поисках талантливых учащихся олимпиад, кто вел занятия в ФИШ, читал лекции на подкурсах или руководил ими по специальности.

То, что было сделано никем и Титов, видно по кругу интересов декана физфака. Для него важны не просто студенты, их оценки, знания. Его интересует не только количество баллов, набранных абитуриентами при поступлении. Кто он? Откуда пришел? Что случайно, что закономерно в их поступлении? Какие отсюда следуют выводы?

Он рассматривает сразу весь спектр областей науки, в которых могут быть интересы. Это может быть фактором — на физфак пришел новый студент — и видят за ним многое. Челябинская физмат школа и в этом году сработала хорошо: опять-девять ее выпускников приняты в университет.

Снова прошли по конкурсу все посыпки далекого Верхневилюйска и малайского поселка Кызыла. Студенты из Кызыла пришли в университет: среди студентов первенцев — с далеким Амуром. Слышались, что в интернете слышили о новом Баргузинском университете математики! Тогда и в будущем году можно ждать его питомцев.

Декану Титову это совсем не безразлично. Нынешние 18-летние таланты — это завтрашний день Академгородка. Больше половины выпускников университета, конечно, остаются работать в научно-исследовательских институтах Новосибирского центра, и от качества их подготовки зависят будущие сибирской науки.

И заведующему лаборатории Титову тоже важно, что придется к нему продолжить исследования, с какими научным сотрудником ему придется иметь дело через пять, десять или двадцать лет.

Будет ли это добросовестный исполнитель или дерзкий искатель?

Декан Титов занимается тем, что студенты подготовлены к более теоретические знания и в то же время были в курсе всех последних достижений науки в данной области. Поэтому на факультете две трети преподавателей — совместители, руководители исследовательских институтов, отдельных лабораторий.

Завлаб Титов знает, что пришедший к нему практиканты получают лучше знания какую-то ту

область исследований, сущий не только самосто-

тельно вести его, но и попытались бы найти свое, оригинальное решение. Он хочет, чтобы все эти качества практикантов привели как можно скорее. А потому не желает для него ни дорогостоящего оборудования, ни дефицитных материалов, согласно даже не замечает некоторые шероховатости в здании.

Гасло интересы декана и завлаба расходятся, потому что в некоторых деталях спектр их требований несовместим. И все-таки в этой нестандартной ситуации они всегда находят общий язык им обоим важно, чтобы в Академгородке всплыл новый интерес. И для этого каждый делает все необходимое.

И ВЕЧНЫЙ ПОИСК

Когда я спросил у Лаврентьева, какие качества, по его мнению, в первую очередь необходимы ученику, он сказал: преданность науке и способность много работать. Он сам приводил в пример поисковых ученых, которые сейчас трудятся в Академгородке. Про себя я отметил, что первым в этом списке был Богдан Чеславович Войцеховский.

«Внешне его жизни казалась портой замысловатым зигзагом. С детства он мечтал о физике. окончил в Киеве среднюю школу, хотел поступить в институт, но был призван в армию. Поступил в Удмуртскую семинарию Франца Рога Савицкого подпоручиком. Помыка Чехословакия. Только в 1947 году двадцатипятилетний старший техник-лейтенант Богдан Войцеховский пришел на физико-технический факультет Московского уни-

верситета.

Окончив факультет, Войцеховский поступает старшим инженером в институт по изучению ядерной энергии, который возглавляет М. А. Лаврентьев, а через три года, сменив еще одну организацию, возвращается в МФТИ (факультет университета к тому времени был преобразован в институт) и заведует лабораторией на кафедре Лаврентьева.

Он уже кандидат наук. У него семья, трое детей. Казалось бы, самое время сконцентрироваться на семье, но он открыл для себя мир науки: становится учителем, пускается в неблизкую дорогу — в Новосибирск, где тогда создавался научный центр.

Если подходить к изложенному с простой жизнью логикой, то в Новосибирск Войцеховского не хватило бы сил, чтобы прорваться сквозь толпу, чтобы занять место в течении, чтобы избежать преследования пока на во-взмут, построить институт и можем будет продолжить исследования, в его положении было не разумно. Это могли позволить себе вчерашние студенты, хотя они и покоялись.

И все-таки он поклялся. Потому что, кроме фактов, рассказанных выше и составленных как бы внешними глазами, есть и внутренний смысл, для которого явлением есть сущность жизни. И тут уже не было никаких отклонений от пути к единому заданию.

Он хотел заниматься наукой, которая бы, исследуя физические явления, находила им применение в технике. Даже сейчас, сделав ряд блестящих теоретических исследований, решил и обновил несколько непонятных ранее физических проблем,

став членом-корреспондентом АН ССР и лауреатом Ленинской премии, он не знает, кем быть считать: ученым-теоретиком или практиком, математиком, механиком или физиком. И не знает, где проходит эта разделительная черта (может, не жалко сказать, что он не знает). Но он, конечно, попытается поставить все точки над "и", поиск оптимальных вариантов при решении практических проблем — это и есть наука.

О его детстве любят рассказывать анекдотические истории. Рос, мол, технический вундеркинд. Наверное, в этих историях есть доля правды. Но меня интересовало в его биографии другое: как и когда пришел он в науку. Поэтому не хотелось забывать об этом.

Удивляло, что прославленный автор сказок о Родине, о ее величии и славе, о ее героях, попытался поставить все точки над "и": поиск оптимальных вариантов при решении практических проблем — это и есть наука.

Оно же детство любят рассказывать анекдотические истории. Рос, мол, технический вундеркинд. Наверное, в этих историях есть доля правды. Но меня интересовало в его биографии другое: как и когда пришел он в науку. Поэтому не хотелось забывать об этом.

— Но я все с семи лет ренег разные задачи

по физике и математике, — просто объяснял Войцеховский.

Оставалось удивляться еще раз.

Он оставалась исследователем всегда. Даже осенью 1958 года, когда вошло на институт, на лаборатории, эфир, в тайне под Новосибирском, он ухитился продолжить исследования, которые впоследствии получили всемирное признание.

Впервые это явление было замечено в 20-х годах англичанами Компбеллом и Булдом. Если в трубке произвести взрыв газовой смеси, то вслед за взрывной волной по спирали начнет двигаться свистящее пятно.

— «Спин» — аналогичный явлению. Задачу разрешающими птицами беспилотниками пытались разрешить многие ученые мира. Существовала даже примета: каждый, кто занимается газовой детонацией или изучает горение газовых смесей, обязательно «спин» получит. Тогда «спин» не будет. Исследования Войцеховского «закрыли» все «беседы пятна» в спиральной детонации.

В Академгородке его считают фанатиком в науке.

Сам он с такой характеристики не согласен. Он просто не понимает, что можно работать иначе. В этом его убедили адвокаты при обвинении с Лаврентьевым, ученым которого он сам считает бессовестным. Их адвокаты, вспоминая о работе в служении науке. Примеров тому на пологах немало. И когда нулю было ехать в Новосибирск, он согласился, но колебался: раз Лаврентьев сказал «найдо», значит, это нужно.

Беседовали с Войцеховским — сущее одиночество. На все вопросы почты всегда отвечает одинаково: «Да, я могу это сделать». Часто пропускает в это внутренний монолог: «Мне придется на ходу, подобравшие распространять, о спиральной детонации в надежде, что восполним ошибку, об этом удачливые детище хотят немного скандалить». Тогда спрашивают: приятно, мол, вспоминать об этом исследовании? А он скажет:

— Когда работа окончена, она меня уже не особенно интересует. Всегда есть новые проблемы, которые еще нужно решить.

И все. Никаких эмоций.

Но это не значит, что он не может, не умеет, не хочет схемы физических процессов и объектов, каким образом это можно использовать. Он сочиняет изображенную трубку с газом в колодце. Если теперь вызвать детонацию, то взрыв побежит по кругу. Стот неизречимо подавать горячее, взрыв станет постоянным...

Он берет молоток, брусковую в 120 миллиметров длининой. Она была пропита насыщенным водной струей, покрытой из гидроизоляции. При сжатии изогнутой водной струи с медью возникает давление, торможение, равно 70 тысяч атмосфер. Проницаемость меди мала по сравнению с таким динамическим напором. Вот она и не выдерживает, течет.

Он показывает, что он хочет рассказать, первое же о пушке. Это прошлый этап. И даже не о пушках, более новом своем изобретении. Он рассказывает об установке, которая может повысить производительность при бурении в несколько раз.

— Как вы к этому пришли?

Выбор темы — это сочетание обстоятельств и желания. А обстоятельства таковы: нам сейчас в космос попадет легче, чем проникнуть в глубь земли.

Логика его поиска была элементарно простой. При современных бурениях больше всего времени уходит на смену бурильного инструмента. Чарах каждые десять — пятнадцать метров требуется твердой породы шарошка стираться, и ее надо менять. Надо поднять и опустить тысячаметровую

колонну труб, развинтить и снова свинтить их. На это, а не на бурение и уходит основное время. Естественно, эту проблему искала, приспособление будет только бурить.

Я заметил одну особенность его подхода к решению проблем: он видел главную, самую трудную часть, и старался найти решение, которое ее исключало.

Его одолевают идеи, которые еще ждут своего решения. Многие из проблем еще неизвестны толком сформулировать, так как они неясны. Некоторые вообще пока неизвестны. А он уже модернизирует возможное, а потому позволяет подтвердить существование, а потом позволяет изучить, попытаться извлечь.

— В природе распространяются какие-то доминантные волны, которые следят взаимодействуют с веществом. Их трудно заметить, проследить, но они есть. Мы не подозреваем о них, как в свое время люди и не подозревали о существовании электромагнитного поля и молниеных потоков нейтронов, и даже о существовании из космоса. В этой области могут быть сделаны крупные открытия. Главное — находит первое звено.

Может показаться, что это приведет к новому заговору в его работе. Но это — продолжение все того же пути в науке — пути постоянного поиска.

ВЗРЫВ ИЩЕТ ИДЕАЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ

Iсперы передко услышали, что наука становится опасной, разрушительной, производящей хаос. Тезис академика М. А. Лаврентьевого о том, что время поставило передовое научное ведомство в центр решения самых государственных вопросов, что ученые еще никогда не чувствовали такой прямой ответственности за судьбы народного хозяйства страны, находят себе ежедневное подтверждение.

Недавно вспомнили о том, что в лаборатории создан взрывом Института гидродинамики СО АН ССР, которую возглавляет мой товарищ по университету доктор физико-математических наук Андрей Дербас.

Это был тот случай, когда глазам не веришь и хочешь пощупать руками. Александр Демчук, научный сотрудник лаборатории, построил внутреннюю конструкцию из труб, соединенных между собой в спиральный путь: брусок из нержавеющей кусочки пенопласта, пластина титана, сверху пластина бумажная коробочка со смесью селитры и аммонита. После этого кришки камеры он основательно закрыл.

Потом Демчук замкнул электропуть — внутри камеры грохнуло. Когда ее открыли, внутри лежало изогнувшись, оваленный взрывом брусок нержавеющей, с припекшейся сверху титановой пластины.

Хотя о взрыве взрывом достаточно известно и каждому, кто впервые видит ее, объясняют, как она происходит, всякий раз новицы берут на остывшее еще после взрыва, пахнущее гарью куски металла и пытаются разорвать.

Дескать, это же взрыв, как же не сработать? Но кто, а еще, спросился с теми же учеными. В апреле 1961 года А. Дербас, Е. Бычков и Ю. Триницы, научные сотрудники Института гидродинамики, проводили исследования по упрочнению металлов с помощью взрыва. Нужно было отработать методику, применение которой в промышленности возможно было увеличивать прочность одной из деталей железнодорожных стапелей.

Во время опытов — на обрабатываемую деталь с помощью взрыва металлы металлическую пластину — пластина прочко прилипла к заготовке. Попробовали оторвать. Не вышло.

Тщательные исследования подтвердили: получившиеся соединения — сварка.

Они подорвали свою пластину опять прочной содружеством детали и пластины, и получили результат. Силу взрыва. Расстояние между свариваемыми деталями. Шло накопление информации о явлениях.

Случайно приключившаяся пластине металла — и десять лет научного поиска, увенчавшись интересной открытием. Непредвиденные, по-своему эфирные, новые технологии, новые сплавы, быт и политическая, без конца теперь неясный, целый ряд приборов химических установок, деталей для электронных машин и авиационной техники! Где гарантия, что сейчас мы не окружены бесчисленным множеством слу-

чайностей, которые, подобно сварке взрывом, заражены неожиданными возможностями их практического применения? Фигурально выражаясь, где та граница, за которой потенциальная энергия слущавшей превращающуюся в кинетическую энергию?

Андрей Дербас смеется.

— Даев, — говорит, — разберемся со всем по порядку.

Тогда наша пластина приворилась случайно. Но то, что мы заметили это, — закономерно. Мы заметили взрывом и не могли пройти мимо него. И не могли не заметить. Но обратите внимание: не в тот раз, мы открыли бы его позже. Но открыты бы обязательно. Ее идея носилась в воздухе. Ее необходимость диктовалась жизнью.

Кстати, в США начали опыты в области сварки взрывом на полтора года раньше нас. Мы об этом ничего не знали и самостоятельно вели исследования уже примерно месяц три, когда узнали о них. И это было неожиданно.

Извините, но я не могу сказать, что мы были первыми. Удивительно, но мы были одновременно с американцами, а не раньше.

— В чем же заключалась эта проблема?

— Стали нужны материалы, сочетающие качества, вроде бы взаимоисключающие друг друга, или набор качеств, которых ни один из ранее известных материалов не обладал.

Например, нужно было, чтобы деталь была одновременно жаростойкой и теплопроводной, упругой и мягкой, обладающей высокими электропроводными и в то же время электропротивоударными свойствами. Нужно было получить сплав, который бы сочетал антикоррозийность нержавеек и относительно низкую температуру обличной стали. Набор таких материалов неизвестен.

— И как же может создать такой сплав?

Понти все, — уверено сказав Дербас.

Он начал показывать образцы. Керамика была сварена со сталью, алюминием с медью, титан с нержавеющей. Он показал детали таких замысловатых конфигураций, которые не смогли бы повторить ни фрезеров, ни токарная обработка. Оказалось, что это взрывы сварки в моялоне отдельно умели.

Все было просто и ясно. А что всем этим стояло десять лет поиска, исследований, теоретических обобщений,

Но чтобы понять, как сам Дербас пришел к взрыву, нужно отойти еще на десять лет. Ведь именно тогда произошла первая встреча прославленного академика с будущими студентами четвертого курса университета. Демчук приехал из студенческого четырехкурсника по взрыву. Дербас спустился и угревался. Ему, испытуемому в разных кружках и спектаклях, еще не раз приходилось слышать, что от сложных физических явлений рассказывали тоже просто и захватывающе. Оказывается, взрывы типичные недавнему созидательные силы.

Он, будучи студентом, когда решил изучать взрывы, обратился к профессору, специалисту по взрывам. Правда, дипломная работа и кандидатская диссертация все были посвящены пластинчатости, но себя он уже считал «взрывником» и сразу же по окончании аспирантуры пошел работать к Лаврентьеву.

— Ты сказал, что в свое время идея сварки взрывом, как способа соединения металлов, пришла тебе из головы, — яко идиот. Конечно идея витала сейчас? И можно ли решить ее с помощью взрыва? Или взрывы либо из любых научных направлений М. А. Лаврентьев — уже испытывали себя, отдали производству все, на что были способны?

— Совсем нет. Человек еще долго будет находить им применение, и теоретические работы Милютина, Алексеева станут базой для этих поисков.

Например, в 1950 году в Академии наук Демчук, изучая способы соединения металлов, пришел к выводу, что если в расстояние сейчас приходится превратить колоссальное количество металла, строить огромные машины, решать проблему изоляции. И все равно потерять электропротивоудары, огромны. Если бы достичь сверхпроводимости, там можно пустить по металлу электропротивоудары. Экономика — это не сверхпроводимость, а вакуум. Вакуум — это не сверхпроводимость, а вакуум. И это только при температуре —233°, хотя теоретически вполне бы можно получить ее при обычных условиях. Выходит, нужен материал?

И вот задача: получить металлический водород, новое химическое горючее, раз в десять калорийнее любого существующего.

— И все с помощью взрыва? — спросил я. — Не слишком ли?

— Если не ставить больших, глобальных задач, ничего не получится. Это же в баскетболе: не падешь в кольцо, пока не бросишь мяч. И тому же, чтобы хорошо бросать, нужно тренироваться. Замахиваться сразу на самый высокий стандарт — это тоже в духе Лаврентьева.

Николай ХЛЕБОДАРОВ

алмазы для африканцев

«Республика Сенегал: единий народ, единая цель, единая вера...» — прочел в ордене, которым правительство Сенегала наградило советского геолога, коммуниста Евгения Ильича Зайцева, за открытие месторождения алмазов. Луфтгантер Юрий Парников несколько лет назад выполнил необычный заказ: в слиток золота нужно было вставить пятиконечную звезду из радиящего черного минерала. Так государство Сенегал хотело отблагодарить Зайцева — главного геолога ОИИ по горным и геологическим изысканиям на территории Сенегала.

За рубежом работали многие геологи, с которых началась золотая лихорадка в Сенегале. Но ни один из них не умел: тонкую награду имел всего один геолог в СССР — Евгений Ильич Зайцев. Тот самый Зайцев, который почти десять лет руководилоценной запасов полезных ископаемых на Колыме, освоившей добыву около 20 месторождений золота. Он же участвовал в открытии первых отечественных алмазов на Урале, помог консультантам по урану за границей, искал и находил золото в Африке и Китае, обучал многочисленных специалистов, утверждавших бесперспективность территории для поисков полезных ископаемых, стал почти из каждого горного выработки извлекать то алмазы, то золото...

Недавно, просмотревшую украинскую «Рабочую газету», я с удивлением прочел о том, что в Красногорске обнаружено золото. А ведь в этом крае находят золото в стране более 50 процентов изолизной руды, почти каждая топка была изучена вдоль и поперек. Да и теория не давала оснований для поисков золота в такой железной кладовой.

Эта новость обрадовала меня двойично: я знал, что поисковыми работами в таком районе руководит Евгений Ильич Зайцев. — ...
... в окунь на берегу реки Ингулец, протекающей почти в центре города, к наблюдению, как студенты Криворожского горного техникума моют золото. От потока к потоку буянически ходят Евгений Ильич и покидают, что золото смелое, чешуйчатое, ветвистое, овальной формы и встречается в гематито-мартитовых рудах, сланцах, речном песке...».

Все выглядело настолько неизжиточно, что невольно хочется вернуться к прошлому. Что привело этого спокойного, рассудительного человека

Евгений Ильич Зайцев

Их называют товарищами на всех языках планеты

Владимир ПАВЛОВ

насущное дом в Андах

Владимир Алексеевич
Павлов

Прежде чем впрочем это дневники, несколько слов об авторе. Владимир Алексеевич Павлов родился в августе 1941 года в семье военного врача. После окончания Днепропетровского медицинского института молодой специалистступил на работу врача-травматологом в медико-санитарной части завода «Криорожсталь».

Летом прошлого года, когда формировалась группа добровольцев для помощи Перу, стране, подстрадавшей от страшного землетрясения, ЦК ВЛКСМ поблаговорил просбу комиссии второй городской поликлиники и включил его в отряд.

17 июня 1970 г.

Вот и сбылось. Вы, сеньор, вылетели со специальной миссией из СССР в Перу. Маринка, прощаясь, ревела мало — это от шестилетнего мужества. А спокойствие двухлетней Леночки — от великого непонимания.

Закрыта дверь, отъехал трап. Все посыпаны к иллюминаторам. «Алтай» начинает плавно подниматься отплыла. У меня это — первое прощание с Родиной. «Да нет, не прощайне, а прости — до свидания!» — твердит бодренький голос. Но другие голоса, тревожные от чувства какой-то опасности, не дают забыть этого великого, настороженного, напряженного лица.

Что я знаю о стране, куда мы летим? Мрачные истории, связанные с именем испанского конкистадора Франсиско Писарро? Великий первооткрыватель был злодей рабыни. Но к кому сейчас его биография? Другое дело — инки. Их история, их величие, их умение делать операции на черепе и натоговывать на картофеля «токос», своего рода первого антибиотика. Так что мы коллеги...

Вспоминаюсь в разгар. Уверенная беспечность, песни, шахматы. Бразад? Нет. Генрих Выдумка, руководитель нашего молодежного отряда, работника ЦК ВЛКСМ, вчера на митинге в Шереметьеве сказал от имени всех: «Задание Родины выполнено!»

всюду уже исчезла, здесь распространены повсеместно. Был с нами хижинами на реке Фалеме жил огромный гиппопотам, который тяжело дышал по ночам и охотно погидал остатки с нашего стола. В жару в палатку часто приходили змеи, чтобы погреться на теплом кровати. Особенно много было змей разных цветов и размеров. Ноиньо, засевший электрический фонарь, можно было обнаружить в нескольких местах бамбуковой хижине свесившимся с потолка змей, которые начинали шипеть и тянутся на свет. Все склоны Бавило, на человеке ко всему привыкли.

Зайцев работал в таких местах, где на каждом шагу его пытались убить. Однажды, падя горы, он укусил ящерицу, которая покусала, бегущую и лепачающую ящерицу. Принес к Зайцеву на помощь геолог Георгий Назаров, и в первые же дни укусил его какой-то комар. Он страшно мутился от диких головных болей. Так и умер с криком. А в самое тяжелое время с паперти встремился Зайцев четырьмя раза. Смерть настигла его на стоянке выстрела. Инстинкт остался спасать. Не сломился его и нестерпимая жажда. Жизнь оказалась милостыней и неком.

— Что вас больше всего поражало в аборигенах?

Никогда не забуду, как торжественно нес первый альманыч мой помощник — генерал Мунтага, и священник. Марабу читал молитвы в мою честь в рукоудири ритуальных танцах. Ни языковый барьера, ни крайне низкий уровень развития местных жителей не заслонили глаза — полезности нашей работы. Аборигены толпами приходили к нашим палаткам и просили у меня любую работу. Наиболее способных и ученых методами, поисками, а также полезных работ у меня работало около трехсот человек.

Поражала меня их своеобразная культура. В народных танцах, исполнявшихся в красочных одеждах и масках под звуки тамтамов, в свете костров аборигены могли талантливо рассказать о своей жизни, заворожить замечательной музыкой и совершенными танцевальными движениями. Мне импровизировала и манера решать спорные и важные вопросы в мирной беседе под краемами баобабов.

К нам вначале присматривались. Их нравились, что мы, русские, не любим замыкаться, стремимся общаться: друзьям, любым хлебосольством, любым пособствием, пощутки. Потом стали удалять за отсутствие русских предрасудков. Русским, скому, как они говорили, можем доверить все.

Однажды правительство Сенегала сразу выдало Зайцеву более двух миллионов франков. Он стал отказываться, но ему сказали: «Нельзя, что русские и другие зря получают и сохраняют лучше, чем в банке». Действительно, эти огромные деньги доставили ему немало хлопот...

— А не сущи ли вы тоски по родным местам, не тянуло вас домой?

— За границей другие обычны, чисто на съем поговорить по душам. И я приобрел от того многое, что я не знал. Даже запахи года: зима — так уж зима, лето — так уж лето. А в Африке этого не чувствуешь: либо жара, как в первые, либо нудные ливни. Но время так заполнено делами, что о тоске думать не приходится. Кроме нас, в Восточном Сенегале не было ни нашего дипломатии, ниченого, ни врача, поэтому приходилось выступать в разных ролях.

— Интересно, в каких?

— Хоть жара стояла нестерпимая, было много разночинских всяких зразы, мы, конечно, не счастливы были, но это было то время, когда приходили к нам за медицинской помощью. У нас были хорошие аптеки, мы помогали, чай могли. Скорее мы просили «целительства», и к нам пошли лечиться даже окрестные жители. Я объяснял им, что я не врач, но никто не хотел слушать. Пришлось затребовать оманская аптеки и оказывать аборигенам медицинскую помощь...

Потребовалась и организаторская способность, пригодилась и терпение. Я старался на рабочем месте показать, рассказать, научить, научить в самых неожиданных ситуациях найти выход из положения, уметь на ходу изобретать, мастерить. Стали, например, проходить глубокие шурфы, а вода их затапливала. Смастерили специальную крепость. Приходилось выступать в разных ролях — учитель, механик, слесарь.

После открытия алмазов и золота Зайцева стично вызвали ОНО сюда. Там, в Африке, впервые, когда алмазы и золото сюда удались открыть, — это составы меди, ртуть и другие полезные ископаемые. Они же составы прогноз-рекономикации по дальнейшим поискам полезных ископаемых на территории Сенегала.

— В чем вы видите романтику своей профессии?

— В трудностях покорения природы, земных недр. Может быть, такой ответ звучит банально, но это так. Иногда в самом конце бросают разведку и потом возвращаются к ней через много лет. Не каждому судено осуществить свою надежду до конца.

Где-нибудь в кабинете я видел роман и на всю жизнь верил своему присяганию... Человек может ошибаться, но сама его присяга становится обзаном. В каждом из нас скрыт человеческий талант, от которого берут начало все деревья. Разбудить этот талант, открыть самого себя должен каждый. Кем раньше, тем лучше.

Геологам, особенно бросается в глаза быстротечность нашей жизни: обновка горных пород они находят в течение года. Земли прогреваются медленно — миллиардов лет. И читают по языки представителям геологических эпох. Потом судят о времени. Так и я живу: успел человек сделать что-то полезное — его имя остается, как веха, след.

са в три дня я вышел купить сигареты и встретил немало знакомых, своих пациентов. Окружили, благодарили, вопросы задавали, множество вопросов. Самый характерный: правда ли, что у детей с менингитом неизлечимо? Я отвечал: «Да, и это называется господством? Боже, это мой... Начинало рассказывать о детских садах, снах, торнадо, дворцах пионеров, школах, пионерлагерях. Не верят. Подошли Нина Горбаки, обласкавши им на отличном идиоматике, что нет у нас антигонитический менингит, и сказали: «Мы вакцинировали соплеменным строем, после этого уже переходит к детским садам. Слушают внимательно, покачивают головами, но уже не так недоверчиво».

— 8 августа

Уже десять дней мы в Мансисе. Ребята работают как черти. Очевидно, им огромные люди приходят из дальних горных селений, приходят не то что семьями, а целыми деревнями. Это болгары, арабы, аланы, христианский, никогда не леченый туберкулез, иерусалимская бородавка. После полудня пожаловал ссы

хозяйин дома, банкир. Произнес

речь. Мол, русские — весялые люди,

образованые, умеют работать. Так

сказали онцели.

А я не знал, что я могу

сказать. Сперва, я не знал, что я могу

<

А на север Перу — овал реакционной партии АИРА. Не удивительно, что в местах, где предстояло работать нашим, заблаговременно побывали представители АИРА и понаписали лозунги типа: «Коммунистам смерть!»

Группа Лихачева работала с большиным напряжением: больных много, а надписи настораживают, отступают их от советских врачей. Раз призвали человека с тяжелым переломом черепа. Анатолий сам влез за операцию. Крестьянин, узан на обратном пути, тоже поломал заборы с антикоммунистическими надписями. Откладывая ручку. Вызов...

28 августа

В 11 часов прибежал испуганный индееческий Инок Горбак с группой портала его обличающую речь: у дочери сильно наложено зажечие. Идем. Километр, второй, третий. Как наша, на Украине. Зеленые колоски так же ласкают задоны. Я был у большой и все время чувствовал падение на землю. Каждый. Каждый, даже себя спешно, вскакивал из ступени. Потом, на обратном пути, снова увидел поля. Да, оно было такое же, как то, наше колхозное, где я работал шефером. И все-таки одновременно с радостью было что-то непонятное, мучительное. Ах, вот этого я не понимаю. Ах, да, Анадак было затянуто в отрыв. Ах, да, же — каменный заборник. Это была какая-то дикость, ненормальность. Чертка капитализма — так называется это на языке политизитов! Пришел в Манкос, рассказал товарищам, слушают, кивают. И опять страшная тоска по дому.

8 сентября

Особый день. Встречали наши альпинисты. Ими покорены величайшая горная вершина Перу — Уаскарас (высота — около семи тысяч метров). Наверху, на историю альпинизма это довольно редкий случай, когда восхождение преодолевало не спортивные цели.

Дело в том, что Уаскарас — из рода гор. Это триада 40-тысячного населения городов Юнайтед и Раундрикса, расположенных в 15 км. При слове «Уаскарас» складывается смех, у индейцев вызывает скорбное, церковное выражение на лицах. Я видел эту Помпею наших дней: каменные глыбы и скользкие вершинки четырех пальм на месте бывших городов — реквием безвремия. И вспоминал я один склон другой, и после замедления сения будоражили наследники: Уаскарас распят, ползет зелень, ожидается новый образ... Ежедневные молебны на месте исчезнувших городов, просьбы к богу не повторять ужаса 31 мая...

И эти слова были принятно решено. Проголосовано это звучало так:

«Штаб молодежного медицинского отряда приказывает трем альпинистам мастерам спорта международного класса — Романову, кандидату медицинских наук, ученному секретарю АМН СССР Гумекову, старшему научному сотруднику АМН СССР Казакиненко, инструктору Мор-

сковского общества альпинистов — подняться на вершину Уаскарас. Предстоит выполнить две задачи: а) обследовать состояние ледника и прилегающих горных массивов; б) установить памятник чехословакским альпинистам, погибшим 31 мая 1970 года в горах Уаскарас.

Расскажу подробнее о том, как погибли альпинисты из ЧССР. Было это 31 мая 1970 года в два часа дня. Две группы альпинистов — чехословаков и японцев — встретились на высоте 5 тысяч метров. Члены получаса разошлись. Японцы вышли вперед, чтобы привлечь и стали снимать на видеокамеру. И вдруг из колеса из Чехословакии. Рвано траха части поплыли. Дрогнула земля, начали ситься горы. Проскочил киноаппарат в руке японского горнолыжника, но он снимает, снимает, снимает... И то, как гигантские массы льда и породы потребили чехословаков, японцев, а также и туловища лавина началила поконо, в долину, нес с собой смерть другим людям...

Наши ребята, которым поднимались на Уаскарас, потратили на восхождение десять дней. Очень мы боились них. Каждый вечер в уловленное время, в 7.00, следили за сигнальной ракетой. А вершина, как правило, не светила. И мы думали. Случилось что — помощь придет. И тогда на отметку 5 тысяч метров отправились еще трое — студент Московского медицинского института Виктор Марков, преподаватель того же института Константин Гадаев и фельдшер Московской горной станции «Сибирь помощи» Сергей Морозов. Их задача — спасаемости они должны были найти на помощь нашим альпинистам. С этой тройкой мы держали устойчивую радиосвязь. Они сообщали: видели вспышку, покожу на синт. ракеты. Стало посكونко. И вот на встрече обеих групп блистательно спустивших винт! Теперь мы можем лечить у людей и страх перед землетрясением.

20 сентября

Наша работа закончена. Въехали из Манкоса три дня назад, а завтра на рассвете — автобусами через горные перевалы в Лиму. Грустные чувства по поводу расставания перемешивались с сухой, но не менее волнующей мыслью: нам приято 45 тысяч больных, из которых нашей группой — 3 902 человека; работали в 60 населенных пунктах, сделали 10 тысяч прививок, оставили сотни ампутаций. И вот — прощай, Перу!

Все идем на открытие памятника чехословакам, погибшим в катаре, а потом — в Атлантике. Памятники складывают мы с нашим героями прямоугольник из гранита и бетона. Надпись: «Вы спешили на помощь народу, пострадавшему от землетрясения». Прибыли делегации из различных стран: китайский, индийский, греческий, арабский, болгарский, салют, слезы... Принесли слово благодарности Комарову, преподавателю Московского строительного института: «Ваша могила дала, но мы сделали все, чтобы памятник вам чтили на этой земле!..»

МАНИОС (ПЕРУ) — КРИВОЙ РОГ.

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК: 253-30-87.

Сдано в набор 9/II 1971 г. А 00240. Подписано к печати 2/III 1971 г.
Формат 50x70. Тираж 1 000 000 экз. Усл. печ. л. 5,6. Уч.-изд. л. 11,55.
Изд. № 641. Заназ № 553.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва. А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Поэтическая антология «Смены». 1924—1971 гг.

Ярослав СМЕЛЯКОВ

Майские ритмы

1.

Надо мной весна повисла,
Слушай и запоминай:

Первым делом,
В первых числах
Ты услышишь месяц май.

А его всегда слыхали
[Шла гроза. Шатался сад],
Про него стихи слагали
Двести лет тому назад.
Платоники да никонеры
Начиняли...

Но рассказ
Не о том идет.

Во-первых,
Первым делом,
В первый раз
Я люблю и ветер зыбкий
И солнце ясное свист.
Славят перво ульбку,
Первый дождь
И первый лист.
Гром, распахшийся с разбега,
Птиц, летящих косиком,
Запыленную телугу,
Пешехода — босиком...

2.

А на Западе май
По бульвару проходит.
Большие
Руки дерут в карманах,
Опустя голубые глаза.
Но когда поднимает —
Не сонные и не тупые...

Дмитрий КЕДРИН

Божок

На севере, между моихятых сосен,
Гулом пузчающих вышущи.
В продыпанном чулке или раскосый
Лесной человеком: Сайбо Мишну
у него были сини, шесть оленей,
Жена, собаки и невода.
И жизнь была в спасе, чем жир
толстений,
Если бы не одне беды:
Он плохо поднервничал духов рода.
Предки сидились, к как-то раз
Недобрый дух туманную воду
Напил ему, сплющим, в щелки глаз.
Сини северной ночи снуны
С тех пор мерзло в его зрачках...
Безжалостно боясь преда гробом
Шаман в гарсоне глупом
Шаман постучал в чудеснейший бубен
И плачом помешал в отне.
Шаман сказал: «Годари мне шубу,
Кормы его мясом. Прайдай к весне...»
«Вылечит хитрый божок! Обманет!» —
Думал на чюниах Сайбо Мишну.

Божок съел собак, Божок съел сани
И... доедал жену.
Сайбо Мишну, вспомнив о своем прошлом, —
Мишну валился стребах в лесу.
Принес хлеб, и со стеклом, общий кожей,
С звездой и со стеклом на носу.
Русский шатался от дома к дому,
Курши мески саготами грязь;
Взглянув на Мишну, сказали: «Трахома»,
И на Мишну потихоньку от бега
Мисы гераса глаза. Тогда
Стала из щепочек пыльного
Мутты вытекать воды.
Вылечил. Стало светло, как в сказке.
Тундра в снегах лежит, широка.
И маленько косы глазни
Сайбо Мишну поднял на божка.
«Если б не мэрз...» — о промолвил
богу...
И бы с тобою совсем зачах.
Взял непристойно божка за ногу,
Плюнул и положил в очаг.

Николай ТИХОНОВ

Под Ленинградом

Поля, холмы, лощины темно-синие
И перепески петроювой, золотой,
Но через все — невидимая линия,
Неслышиная, идет передо мной.

Олады вы яси ее пройдете,
Она к заливу право приведете,
Но старой карты ее не найдете,
С пометкой грозной —
сорок первый год.

Та линия еще сегодня дышит,
Она с сердцем вашим ведет;
Она листву вот этих рощ колышет
И в новый дом подчеркивает вход.

Возможно, поклонения близны
Не так, как будущим, они видны,
Хотя кое-где гранитные
обелиски
И надпись отмечена она.

Но, кажется, она еще дышится,
И монмы производят мрак,
Но нея, на этой огненной границе,
Оторвана была и остановлен враг.

Заговорила роща на откосе,
Прислушайтесь, о чём шумят она,
Как будто ветер, набежал,
Бесчисленных героев имена!

Владимир СОКОЛОВ

Песня

Какими красивыми были
Мальчишки семнадцат лет,
Которых еще не любили,
Которых давно уже нет.

Летели над ними разрывы,
Осколки великой войны.
Но все ж ими
мальчики,

живы,
Как живы отцы и сыны.

Какими красивыми были
Девчонки семнадцат лет,
Которых еще не любили,
Которых давно уже нет.

Летели над ними разрывы,
Осколки великой войны.
А все ж они,
девочки,

живы,
Как дочери и как сыны.

Какими красивыми были,
Такими и в землю ушли.
А там, где мы их хронили,
Там красные маки взошли.

Свершились сказки и были
В сознании боев и побед...

Такими красивыми были
Ребята семнадцат лет.

Василий ФЕДОРОВ

Море жизни

Я много жил,
Прожить бы столь же.
Себя от всех не отделью,
Чем на земле живу я дальше,
Тем больше я тебя люблю.
Ты с каждым годом все красивей,
Милей, чем солнце пошути.
И имя гордое Россия
Зеинит,
Как знамя на ветру.

Владимир ЦЫБИН

В предчувствии полета

С Земли, где склон сок ранета
и горек сок береза вину,
я знаю: новые ранеты
возьмут к галактикам свой курс.
Жизнь в предчувствии полета...
Среди космической энзимы
согреет первого пилота
прихваченная горсть земли.
И потому припомнит снова
он Землю в запахе грибов,
уткнутую в мех песчаный
новородченных облаков.

И мы найдем новые земли
в незаселенной вышине,
мы, что прыжком новоселить
в целине и на Луне.
И нам в там, в далеком мире,
не спать —
и все же не сдаваться
свои Алтак и Сибирь
и открывать и обживать.
И это нам, неперемичивым,
прославить дик большой поры
ракетами многостушенчными
в периферийные миры...

Инна КАШЕЖЕВА

Разговор поколений

Дед мой в старом защитном
капите,

За столом, напротив меня,
Говорят о военном Питере,
Где он пробыл четыре дня.

Осеня шла, туманная, хмурая,
Словно еж, вся в иглах дождя,
Истекала кровью республика,
Криком голова исхода.

Дед рассказал продолжает
медленно,
Сам, беспокойный и простой,
В Петрограде он видел
Ленина

В порывешком, старом пальто.
В Петрограде туманные ночи,
Смольный в белых башнях
одет.

Вел Ильин разговор с рабочими,
А рабочим этим был дед.

Дед смотрел на лицо родного,
Загорался от искры глаз.
Окровавленной войной,
Не сдалася Советская власть!

...Знаю, поди в долгу у времени.
Не видавших военок зору
Своих внуков рассказ
о Ленине
И о Питере я научу.

Пересказывая рассказы,
Очень медленно, по складам,
Я им ленинские наизы
В слове дедовским передам.

Сразу став серьезней
и строже,
Спросят, взгляд на меня
сносив:
«А какой он?»
«Какой?
Хороший!
И, как Родина, вечно
жив!»

Аннаберды АГАБАЕВ

Последний монолог путешественника

Я иду по Земле из края в край,
я иду по сердцам, я иду по землям,
я иду по горам, я иду, что стала золой,
в кипу по словам, общающим рай.
Я иду в первый раз в саду,
вместе с током крови по живым наду.
Я кочую в степях и темных лесах.
Я ищу в светлых детских глазах.
Я иду по крутым оксанским волнам,
я иду по тревожным старческим сням,
по бессонным почкам, по горячим
дням,
по спаленным дынгунгам твоям, ветвям.

Я по набережной Гавани иду,
среди желтой саваны в Конго иду.
Мимо песенок колыбельных мау,
мимо ласковых слов: «Любимый,..»

Я иду по Земле, и каждый миг
слышан мне на Земле

новородченных ирик,
Часовой, внимательней буда на
новородченных взвешивают на
часах —

и вески!

Новородченных взвешивает Парик!

Новородченных взвешивает Нанд!

Из-под римских крыши и киевских

крыши

звонкий крик малышей сотрясает

мир.

Часовой, внимательней буда на
часах —

это шаг земный лежит на весах!

Я иду по Земле из конца в конец,
мимо горных цепей и лесных полос.

Я иду сквозь шепот живых волос.

Я иду сквозь гомон детей монх,

мимо всех во веки во веки живущих

садовников, пахарей и рыбаков.

Я иду сквозь мир — ты отступишь,

смерть!

Только мне бы успеть,

успеть,

успеть...

Перевели с туркменского

Алексей ЗАУРИХ и Евгений ХРАМОВ.

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Послание внукам

Вы узнаете нас после трудной зимы,
Но еще до весны, по седым ураганам,

По работе, которая так дорога нам.

Высота — это мы.

Высота — это мы.

И отточено это мы.

Он недаром гудел

И метался в плавнильных и вултурных горах.

Столько было у нас лихорадок рекордных,

Столько начатых дел,

Столько превращенных дол,

Столько забытых.

Чем же гордился следам

Изучите, исследуйте, вспомните, троньте:

Мы откликнулись на море, встанем на фронте,

За рулем, у станка,

Там и тут, тут и там —

Это мы.

Вы увидите нас все равно

В вашей собственной юности, полной

В ваших стройных постройках и в вашем

искусстве,

В долгом счастье, которое вам суждено.

Наша мысль —

Метеора летящего след.

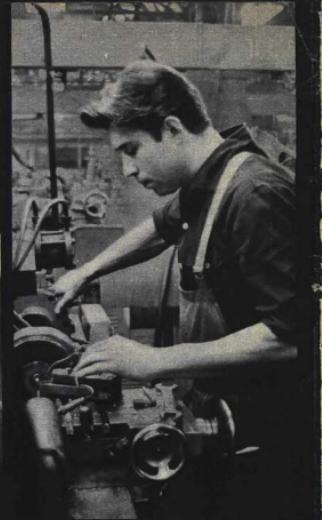
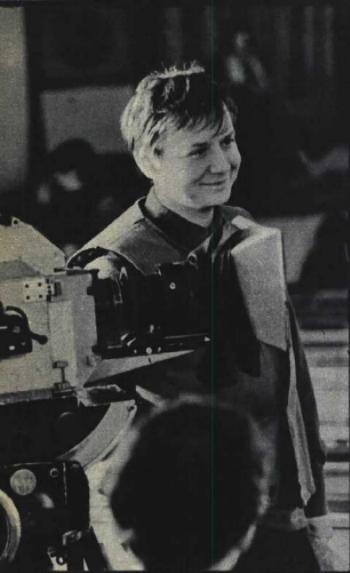
Наша сила —

Мотора гулящего ритма.

По занавесам глазам и по лицам небрязну

Вы узнаете нас через тысячу лет.

КОММУНИСТЫ смена